

HISTORIA ROSSICA

Борис Колоницкий

«ТОВАРИЩ КЕРЕНСКИЙ» :

АНТИМОНАРХИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ И
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА
«ВОЖДЯ НАРОДА»
МАРТ-ИЮНЬ 1917 ГОДА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Борис Колоницкий

**«Товарищ Керенский»:
антимонархическая революция
и формирование культа «вождя
народа» (март – июнь 1917 года)**

«НЛО»

2017

Колоницкий Б. И.

«Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий — «НЛО», 2017 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-0498-8

В своем новаторском исследовании автор показывает, что культ вождя народа, известный нам по фигурам Ленина и Сталина, зародился не в советское время, а весной и летом 1917 года. «Первая любовь революции» Александр Керенский стал первым носителем и отчасти изобретателем этого культа. Традиция монархической культуры не исчезла бесследно. Обогатившись традицией почитания партийных вождей, она возродилась в новом образе уникального вождя революционной армии и революционного народа, который оказался востребован разными слоями общества. Борис Колоницкий – доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

ISBN 978-5-4448-0498-8

© Колоницкий Б. И., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

От автора	5
Введение	8
Глава I. Революционная биография и политический авторитет	20
1. Биографии и биографы	21
2. Юность вождя	31
3. «Народный трибун»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Колоницкий

«Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года)

Памяти Рафаила Шоломовича Ганелина

От автора

Путь к написанию этой книги был долгим и извилистым, и не все уважаемые мною коллеги разделяли мой интерес. «Борис, зачем ты занимаешься Керенским? Лучше бы ты написал биографию Церетели», – говорил мне не раз профессор Колумбийского университета Леопольд Хеймсон. Но я никогда и не хотел изучать жизнь Керенского, никогда не видел себя чьим-то биографом. Меня интересовало, что писали и говорили о Керенском и других политических вождях во время революции и какие слова при этом использовались – в этом, как мне кажется, проявлялись некоторые важные черты революционного процесса.

Над этим проектом я стал задумываться еще в середине 1980-х годов. Сами источники по истории революции подталкивали меня к этому. Я был поражен тем, насколько восторженный язык описания революционных лидеров в 1917 году предвосхищал восхваления советских вождей в 1930-е годы, и это никак нельзя было объяснить принуждением. Сильное впечатление на меня произвела и «Синяя книга» Зинаиды Гиппиус: этот текст, в основу которого легли и дневник автора, и другие источники, отражал динамику отношения части интеллигенции к Керенскому. Я был поражен тем, что люди, сами активно и креативно участвовавшие в создании культа вождя-спасителя весной 1917 года, уже осенью считали именно выдвинутого ими лидера главным, а иногда и единственным виновником углубления политического кризиса, не осознавая своей собственной ответственности за действия своего избранника.

Схожие чувства я испытывал, слушая многие высказывания в эпоху перестройки: «Я так любила Горбачева», – говорила мне со вздохом одна московская дама. Так говорят девушки, разочаровавшиеся в объекте своего обожания. Так говорят люди, которые сначала видят выход из кризисной ситуации в наделении вождя-спасителя новыми властными полномочиями, а потом проклинают его, снимая с себя всякую ответственность. Начиная с 1991 года я стал публиковать статьи, посвященные образам Керенского, и меня радовало, когда некоторые мои исследования казались читателям актуальными.

Многие люди проявили интерес к моему проекту изучения образов Керенского, и очень многих я должен поблагодарить за помощь.

А. И. Миллер и В. Ю. Черняев были доброжелательными, заинтересованными и критичными рецензентами этой книги, их советы и замечания были для меня необычайно важны.

Различные варианты глав этой книги, а потом и весь ее текст обсуждались на заседаниях Факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге и Отдела истории революций и общественных движений Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Я крайне признателен Т. А. Абросимовой, А. К. Бустанову, Б. Б. Дубенцову, М. М. Крому, В. В. Лапину, Н. В. Михайлову, А. Пинскому, Н. Д. Потаповой, П. Г. Рогозному, Ю. А. Сафроновой, Н. Н. Смирнову, К. А. Тарасову, И. Халфину, С. Хирсту и другим коллегам, которые активно и заинтересованно участвовали в этих важных для моего исследования дискуссиях.

Д. Байрау, И. Ф. Данилова, В. Е. Кельнер, Л. Мак-Рейнольдс, Я. Плампер, В. Н. Сажин читали отдельные главы книги, их советы и замечания очень помогли мне. Совместная работа с М. Фреймом, М. Стокдейл, С. Марксом по редактированию тома в рамках международного проекта по истории мировой войны и революции в России была для меня важной школой и очень помогла мне в работе над книгой. Советы других участников проекта, прежде всего Э. Хейвуда, Д. Мак-Дональда, Дж. Стайнберга и К. Рида, были очень полезны.

На различных этапах своего исследования я представлял результаты его в виде докладов на конференциях, коллоквиумах. Замечания В. Б. Аксенова, Й. Баберовски, В. П. Булдакова, З. Галили, К. Гествы, К. Кухер, Д. Орловски, М. Стайнберга, Т. Пентер, О. Файджеса, Ю. Шеррер, И. Ширле, Л. Энгельстайн были очень важны. Многие аспекты моего исследования мы часто обсуждали с У. Розенбергом, я постоянно ощущал его поддержку.

Консультации А. Я. Лapidус, И. Лукка, О. П. Новиковой были для меня крайне полезны. Щедро делились со мной информацией Д. Б. Азиатцев, В. Б. Аксенов, А. Б. Асташов, М. В. Безродный, М. А. Витухновская, А. В. Гноевых, К. В. Годунов, А. А. Данилевский, И. А. Доронченков, Б. С. Котов, А. С. Медяков, А. Б. Николаев, М. М. Павлова, П. Г. Рогозный, Н. В. Родин, А. В. Соколов, К. А. Тарасов.

Я. С. Гузей, Е. А. Жданкова, Э. О. Сагинадзе, А. В. Резник в разное время помогали мне собирать некоторые материалы, важные для моего проекта.

Некоторые сюжеты, превратившиеся затем в параграфы этой книги, обсуждались в свое время на семинарах, участниками которых среди прочих были Ф. И. Якубсон, В. М. Воронков, В. Я. Гельман, Е. А. Здравомыслова, М. Г. Мацкевич, А. М. Столяров, Д. Я. Травин, С. Г. Шелин. Замечания участвовавших в этих встречах социологов, политологов, журналистов, писателей, режиссеров заставляли меня иначе смотреть на предмет моего исследования.

Опыт административной работы в качестве проректора Европейского университета в Санкт-Петербурге заставил меня по-новому взглянуть на политическую историю, а наши беседы с ректором университета О. В. Хархординим постоянно побуждали меня размышлять о практическом применении политической философии.

Я признателен В. М. Плешкову и Н. Н. Смирнову, другим представителям администрации Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, которые оказывали мне постоянную поддержку. Благодарю руководство Европейского университета в Санкт-Петербурге за предоставление мне творческого отпуска, это дало возможность сосредоточиться на моем исследовательском проекте.

Поддержка Фонда Коне и Коллегиума инновационных исследований университета Хельсинки (Helsinki collegium for Advanced Studies) позволила мне работать в финских библиотеках и архивах в 2013 году. Грант Германского научно-исследовательского общества (DFG) и поддержка Института восточноевропейской истории Тюбингенского университета дали мне возможность три месяца работать в библиотеках Германии в 2016 году.

За советы и замечания благодарю И. А. Жданову и А. В. Абашину, редакторов этой книги.

Я постоянно ощущаю поддержку моей жены Кати. «Если мой муж смотрит в окно, то это не значит, что он не работает», – говорит она порой знакомым. Я горжусь тем, что после некоторых колебаний – вполне объяснимых – она заняла именно такую позицию. Помимо всего прочего, она отражала постоянные атаки наших внучек Фаины и Таисии на мои картотеки, хотя и не всегда ее усилия были успешными. Впрочем, я рад, что и младшие члены моей семьи уже в раннем детстве проявляли интерес к моей старомодной исследовательской лаборатории.

Завершая работу над этой книгой, я постоянно вспоминал умершего в 2014 году моего старшего коллегу Рафаила Шоломовича Ганелина, замечательного исследователя и мудрого человека, который очень много сделал для нескольких поколений историков Ленинграда/ Санкт-Петербурга. Я был одним из тех, кому он помогал; без его поддержки моя научная

карьера была бы иной, а его советы избавили меня от многих заблуждений и ошибок. Памяти Рафаила Шоломовича я посвящаю эту книгу.

Введение

Британский посол Дж. Бьюкенен вспоминал, что в дни революции некий русский солдат якобы заметил: «Да, нам нужна республика, но во главе ее должен стоять хороший царь». Суждение, воспринимавшееся английским дипломатом как оксюморон, должно было подтвердить его мнение относительно странной политической культуры жителей страны пребывания: «Россия не созрела для чисто демократической формы правления...»¹

Упоминания о подобных высказываниях русских простолюдинов встречаются и в дневниках иностранцев². Они нередко желали представить Россию еще более экзотичной, чем она была, а стремление ее обитателей иметь «демократическую республику с хорошим царем» подтверждало, казалось, это мнение. И сводки российской военной цензуры цитируют письма солдат: «Мы хотим демократическую республику и царя-батюшку на три года»; «Хорошо было бы, если бы нам дали республику с дельным царем»; «Царя свергли с престола, теперь новое правительство, ничего, хорошее, жить можно, а когда выберут царя, да получше, – еще лучше будет». Некий цензор делал вывод: «Почти во всех письмах крестьян высказывается желание видеть во главе России царя. Очевидно, монархия – единственный способ правления, доступный крестьянским понятиям»³.

Вряд ли все крестьяне и солдаты, высказывавшиеся так, были убежденными монархистами: ведь они хотели ограничить срок правления царя, предусматривали его избрание и переизбрание. Вернее было бы предположить, что понятия «государство» и «царство» они рассматривали как синонимы, им было трудно, даже невозможно представить государство без «государя», сильного главы государства. Нередко солдаты отказывались присягать Временному правительству, ибо само упоминание о «государстве» в тексте присяги рассматривалось как проповедь монархизма, – они кричали: «У нас нет государства, а есть республика». Офицер-фронтовик в письме от 12 марта описывал отношение солдат к тексту присяги: «Присягать сегодня, по-видимому, опять не будут – оказывается, их смущает имеющееся в тексте присяги слово “государство”; они думают, что это что-то такое, где обязательно должен быть государь, а государь, в их понятиях, непременно самодержец»⁴.

Можно предположить, что солдаты, мечтавшие о «демократической республике» с «хорошим царем», желали установления президентской республики с большими полномочиями главы государства. Точно сформулировать свой идеал государственного устройства они не могли, ибо не владели необходимым политическим языком – не знали, как выразить свой авторитарный «республиканизм» иными словами. Трудности с «переводом» собственных идеалов на язык современной политики испытывали не только малообразованные люди, но и представители тех групп, которые до революции культивировали аполитичность (например, кадровые офицеры)⁵. Да и политизированные современники порой не находили нужных слов для описания непривычной и быстро меняющейся реальности.

¹ *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires. London; New York; Toronto; Melbourne, 1923. Vol. 2. P. 86, 114. См. также: P. 111, 128, 216–217.

² *Robien L. de.* The Diary of a Diplomat in Russia, 1917–1918. London, 1969. P. 24; War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992. P. 46.

³ Материалы военной цензуры хранятся в различных архивах: Российский государственный военно-исторический архив [далее – РГВИА]. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1494. Л. 14; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [далее – ОР РНБ]. Ф. 152. Оп. 1. Д. 98. Л. 34; Российский государственный архив Военно-орского Флота [далее – РГА ВМФ]. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5666. Л. 4.

⁴ См.: *Оськин Д. П.* Записки прапорщика. М., 1931. С. 110–111; *Gourko B.* War and Revolution in Russia, 1914–1917. New York, 1919. P. 326–327; Из офицерских писем с фронта в 1917 г. / Публ. Л. Андреев // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 194–210 (автором письма был И. Д. Гримм).

⁵ О различном понимании термина «демократия» и некоторых других см.: *Колоницкий Б. И.* Язык демократии: Проблемы

Приведенные примеры дают представление о той сложной ситуации, в которой оказались бывшие подданные царя, становившиеся гражданами новой России. В трудном положении были и политики разного ранга: их послания содержали термины, которые требовали надлежащего «перевода» (это привело к появлению множества «политических словарей», востребованных читателями). Монархия могла вызывать разные чувства, но она была привычна и, казалось бы, понятна. Язык описания царской власти, образцы отношения к человеку, воплощающему собой верховную власть, даже набор тех эмоций, которые должен был вызывать верховный носитель такой власти, – все это было знакомо, разными способами передавалось из поколения в поколение.

Свержение монархии требовало от граждан новой России поиска новых слов, новых ритуалов, новых предписываемых политических эмоций. Как обеспечивается легитимность и сакральность новой власти? Как следует обращаться к политическим лидерам? До какой степени можно иронизировать по поводу власти и ее носителей? Эти вопросы требовали ответа. Роль творцов нового языка пытались брать на себя различные партии и организации. Процесс создания новых слов, ритуалов, символов проходил в условиях острой борьбы за власть, конкурирующие силы обосновывали собственное право на разработку авторитетного, «правильного» политического языка и его интерпретацию.

Все это имеет непосредственное отношение к узловым проблемам изучения революций. Мало кто спорит с тем, что основным вопросом всякой революции является вопрос о власти. И все же это утверждение следует признать не вполне точным: вопрос о власти всегда находится в центре любых политических процессов, поэтому уместнее говорить о специфическом состоянии власти в эпохи революций, которое отличается от властвования в иные, нереволуционные времена.

М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» – написанной в 1918 году, под воздействием революционных потрясений того времени, – цитировал Л. Троцкого, который заявлял: «Всякое государство основано на насилии». Ученый и сам описывал государство как сообщество, успешно претендующее «на монополию легитимного физического насилия»: «... единственным источником “права” на насилие считается государство»⁶.

Если использовать формулировки Вебера, то революцию можно рассматривать как особую политическую ситуацию, при которой существовавшая ранее государственная «монополия легитимного физического насилия» постоянно подвергается вызовам. Подобные процессы демонаполизации и ремонополизации права на насилие сопровождаются и соответствующими процессами делегитимации и легитимации этого права. Важнейший вопрос любой революции – это вопрос о легитимации насилия. Соответственно, перед историками революции встает задача изучить политические тактики легитимации и ее культурные формы.

Вебер выделяет три базовых основания легитимности (в политической реальности ни одно из них не существует в чистом виде): авторитет традиции (авторитет «вечно вчерашнего» – например, основанный на религиозной традиции); авторитет внеобыденного, незаурядного личного дара вождя (авторитет харизмы); наконец, авторитет легального установления (рационально обоснованной законности)⁷.

Различные революции по-разному определяли свое отношение к традиции. Вожди «великого мятежа» в Англии XVII века, как известно, оформляли свои политические идеи с помощью языка религии и говорили о возвращении к «прерванной», «извращенной» традиции, которую следовало восстановить, возродить, устранив позднейшие нарушения. Это произошло и в раннем значении слова «революция», взятого из языка астрономии и астрологии:

«перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX века: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб., 2006. С. 152–189.

⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645–646.

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 646.

возвращение к «изначальному» состоянию⁸. Многим другим революциям, напротив, была присуща установка на абсолютную новизну: революционеры декларировали создание совершенно «нового мира», отличного от «старого порядка». В ходе Российской революции доминировала тенденция, требующая радикального разрыва с эпохой «старого режима», именно решительное преодоление прошлого было важным ресурсом легитимации для революционеров.

Авторитет рационально обоснованной законности подвергается в условиях революций вызовам: под вопрос ставится монополия государства на правотворчество и применение права, могут возникнуть несколько конкурирующих правовых систем. Это было присуще и Российской революции, когда Временное правительство, Петроградский Совет, Украинская центральная рада и другие властные структуры разного уровня создавали собственные правовые пространства, а различные общественные организации поддерживали и инициировали «народное правотворчество» снизу и таким образом обосновывали свою легитимность⁹.

Для исследования феномена власти в условиях революций следует всесторонне изучать авторитет лидеров, вождей, обладателей харизмы, которые подтверждают его своими особыми действиями – сбывающимися пророчествами, героическими поступками, необычными успехами. Харизма основывается не только на качествах лидера – действительных или приписываемых ему, но и на символической репрезентации сообщества, которое признает за вождем дар харизмы, легитимирующий его действия; поэтому историка должны интересовать поступки и слова людей, разными способами творящих авторитет вождя. Изучение методов и тактик легитимации лидеров, анализ сопутствующих политических конфликтов представляют важнейшую задачу для историков революции, поскольку помогают лучше понять те социально-политические процессы, которые были связаны с конструированием образов вождей.

Для российской истории XX века эта тема представляет особый интерес и особую значимость. Культ личности, культ вождей, без которого невозможно представить советскую историю, уже давно стал предметом специальных исследований. Более всего изучен культ Ленина (см. работы Н. Тумаркин, Б. Эннкера, О. В. Великановой и др.)¹⁰. Однако историки, изучая ключевые этапы формирования культа Ленина – покушение 1918 года, пятидесятилетний юбилей вождя в 1920 году, смерть, бальзамирование, – крайне бегло описывают период 1917 года, хотя именно этот период политической борьбы имел большое значение для складывания культурных форм восприятия харизматических вождей и их репрезентаций. Для достижения целей настоящего исследования полезен подход Б. Эннкера. Изучая превращение харизмы вождя в его культ, этот автор связывает создание культа с актуальными политическими задачами, которые ставили перед собой разные группы большевистских руководителей в новой политической ситуации. Культ личности Сталина посвящена работа Я. Плампера, изучающего изображения вождя¹¹. Тем не менее – повторюсь – представляется, что исследователи культов советских вождей недооценивают значение культурно-политических процессов 1917 года для складывания политической культуры советского периода.

В настоящем исследовании предметом изучения будет «культ Керенского» – тактики укрепления и ниспровержения его авторитета, культурные формы репрезентации этого поли-

⁸ О понятии «революция» см.: *Булст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й.* Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. / Пер. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. Т. 1. М., 2014. С. 520–728.*

⁹ *Токарев Ю. С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1965.

¹⁰ *Tumarkin N.* Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.); London, 1983 (см. на рус.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997); *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Koeln; Weimar; Wien, 1997 (см. на рус.: *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011); *Velikanova O.* Making of an Idol: on Uses of Lenin. Gottingen, 1996; *Великанова О.* Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewinston; Queenston; Lampeter, 2001.

¹¹ *Плампер Я.* Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010 (издание на англ.: *Plamper J.* The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. Stanford (Calif.); New Haven, 2012).

тика и их восприятие. Соответственно, рассматриваются тексты и визуальные образы, символические жесты и ритуалы, с помощью которых создавались разнообразные, порой противостоящие друг другу образы вождя. Выбор объекта исследования обусловлен тем авторитетом, которым этот политик первоначально обладал. На связь между поклонением Керенскому и культурами советских вождей указывали участники тех событий. Видный деятель конституционно-демократической партии В. А. Маклаков впоследствии утверждал, что после свержения монархии у обывателя сохранилось «предпочтение личной власти, Хозяина» и многие жители революционной страны ориентировались не на авторитет политических институтов, а на личный авторитет лидеров. Мемуарист отмечал: «На этом чувстве было заложено поклонение Керенскому, потом Ленину, а в конце обоготворение Сталина. Не хочу сравнивать этих людей, столь несхожих по духу, но во всех режимах, которые друг друга сменяли после 1917 года, скрывалось привычное искание властной личности и недостаток доверия к “учреждениям”»¹².

Утверждение Маклакова, повторявшееся в разных вариациях и другими авторами, сложно подкрепить доказательствами, однако мысль о преемственности отношения к политическим лидерам представляется интересной. Для многих современников Александр Федорович Керенский был центральной фигурой Февраля, именно он олицетворял для них свершившийся переворот. Уже в конце 1917 года оппоненты Керенского говорили о «восьми месяцах» его правления¹³. Речь шла обо всем периоде революции – с марта по октябрь, хотя Керенский стал министром-председателем лишь в июле.

В настоящем исследовании для понимания культурных форм репрезентации политика изучаются различные «образы» Керенского, создававшиеся им самим, его сторонниками и союзниками, его оппонентами и врагами. Под «образами» понимаются обладающие некоторой семантической общностью комплексы характеристик вождя, которые давались ему в разных текстах и изображениях.

Данное исследование посвящено прежде всего политической культуре революции, оно не претендует на создание новой биографии Керенского. Эта книга – не о политическом лидере, а о его культе. Разумеется, не следует противопоставлять биографию политика культурным формам его прославления. Да, предлагаемый подход позволит, как мне представляется, по-новому взглянуть на Керенского, и можно надеяться, что новые его биографы смогут использовать мои наблюдения и выводы. Но все-таки главной целью книги уточнение жизнеописания Керенского не является – через различные образы лидера, через случаи их создания и использования я пытаюсь посмотреть на те организации, на тех людей, которые их, эти образы, создавали, стремлюсь взглянуть через них на политические, культурные и социальные процессы эпохи революции.

Можно согласиться с тем, что Керенскому «не повезло» с историографией: немногие из исследователей сочувственно описывали «революционного министра». Это неудивительно: и по сей день историки нередко отождествляют себя с одними участниками революции и противопоставляют другим. Поэтому историография 1917 года в массе своей продолжает быть «партийной», часто исследователи (и тем более читатели) искренне полагают, что историография не может (и не должна) быть иной. Недаром и ныне в ходу разные варианты либеральных и консервативных, социалистических и коммунистических, националистических и имперских, «красных» и «белых» историй революции; востребованы исторические повествования, восходящие к мемуарам участников событий. Порой можно говорить даже о «партийности второй степени» – когда историки-антикоммунисты воспроизводят структуру советского исторического нарратива, лишь меняя знак оценки на противоположный.

¹² Маклаков В. Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской политике, 1880–1917. М., 2006 (1-е изд.: Нью-Йорк, 1956).

¹³ Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. М., 1967. Т. 3. С. 194, 616.

С Керенским же сейчас мало кто себя отождествляет. Он, как мы увидим, формально примыкая к эсерам, не связывал себя с какой-либо одной партией, пытаясь играть роль «объединителя», «моста» между умеренными социалистами и либералами. Подобное лавирование первоначально приносило ему успех, но к Октябрю разногласия между партнерами по коалиции усилились, база поддержки Керенского сузилась и ослабла, а его возможности для маневра становились все более ограниченными, ни одна из ведущих политических сил в это время не выражала ему безусловного одобрения. Напротив, чуть ли не все основные силы – хотя в разной степени и в разной форме – критиковали его осенью 1917 года. Это сказывалось и сказывается на отношении к нему нескольких поколений «партийных» историков, «наследников» политических оппонентов Керенского: он не воспринимался и не воспринимается как «свой», с ним не отождествляют себя участники нынешних политических баталий.

Керенскому не повезло и с его собственными автобиографиями, предварявшими жизнеописания, которые были созданы другими авторами, и влиявшими на них. В 1918 году бывший глава Временного правительства издал брошюру «Дело Корнилова», а позднее опубликовал несколько вариантов автобиографии, в которых создавал и вновь переписывал свою версию истории революции¹⁴. Постоянным в этих текстах, написанных в разные эпохи, оставалось одно: Керенский желал прославить Февральскую революцию и увековечить свою роль в ней; однако аргументация автора менялась, со временем он корректировал и модернизировал свое повествование. По сравнению с тем лидером, каким он был в 1917 году, Керенский представлял себя более современным, более западным, более рассудительным, дальновидным и уверенным. И, добавим, менее интересным. Серия созданных им парадных автопортретов, идеализирующих и романтизирующих их творца, заслонила живое изображение жесткого и своеобразного политика, который вовсе не случайно – вопреки мнению многих современников и части историков – оказался во главе правительства в эпоху революции.

Искажение истории в автобиографиях Керенского, которые можно назвать «автоагиографиями», вернулось к их автору своеобразным бумерангом: исследователи, негативно относившиеся к «вождю», отталкивались от его воспоминаний; полемизируя с политиком, они порой воспроизводили структуру его повествования; делая из его автопортретов снижающую карикатуру, они сохраняли их композицию. Влияние мемуарно-исследовательского проекта Керенского на историографию революции невозможно отрицать. И все же вряд ли именно такой эффект соответствовал замыслам самого автора.

Многие историки, писавшие о революции, касались различных аспектов деятельности Керенского. Ограничусь лишь перечислением части работ, непосредственно ему посвященных. Цензурные обстоятельства советского времени затрудняли появление объективных исследований, но и в этой ситуации В. И. Старцев смог подготовить важную работу о кризисе осени 1917 года¹⁵. Г. Л. Соболев в новаторском для своего времени исследовании изучал революционное сознание рабочих и солдат¹⁶. В связи с этим он рассмотрел и некоторые аспекты попу-

¹⁴ Краткий перечень соответствующих работ А. Ф. Керенского: Дело Корнилова. М., 1918 (др. изд.: 1987, 2007); Гагчина. М., 1922 (др. изд.: 1990); Издалека: Сб. ст. (1920–1921). Париж, 1922 (др. изд.: 2007); *The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution*. New York; London, 1927; *La révolution russe*, 1917. Paris, 1928 (рус. пер.: 2005); *The Crucifixion of Liberty*. London; New York, 1934 (др. изд.: 1965); *Russia and History's Turning Point*. New York, 1965 (нем. и фр. пер.: 1966; рус. пер.: Вопросы истории. 1990–1991; отд. рус. изд.: М., 1993, 1996, 2006).

¹⁵ *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982. О Керенском В. И. Старцев писал и в других своих работах: *Он же*. Бегство Керенского // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 204–206; *Он же*. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16; *Он же*. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; *Он же*. Тайны русских масонов. СПб., 2004 (последняя книга представляет собой дополненное издание монографии «Русское политическое масонство»).

¹⁶ *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973. Исследователь выпустил и подборку источников, освещающих деятельность Керенского, она снабжена предисловием, которое имеет самостоятельное научное значение: Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, ст., очерки, воспоминания современников / Сост. Г. Л. Соболев. Чебоксары, 1993.

лярности Керенского, и некоторые характерные черты той социально-психологической атмосферы, в которой появился и развивался культ вождя.

И по сей день наиболее обстоятельным жизнеописанием Керенского является книга британского исследователя Р. Эбрахама, опубликованная еще в 1987 году¹⁷. Автор не мог в те времена работать в российских архивах, но он внимательно изучил прессу эпохи, работал в архивах нескольких стран, опрашивал людей, лично знавших Керенского.

Перестройка сделала возможным углубленное изучение биографии Керенского в России: доступными стали новые источники, были сняты цензурные запреты. Заслуженный интерес читателей еще в советское время привлекли работы Г. З. Иоффе, который использовал новые интересные источники. Гласность позволила обратиться к иному типу исследования, и одну из своих книг этот автор посвятил трем лидерам: Керенскому, Корнилову, Ленину¹⁸. Данная работа заставляет размышлять о феномене персонификации политического курса: историки вслед за современниками нередко описывают политическую ситуацию через изучение противостоящих друг другу лидеров. Иногда за этим стоит писательский прием: читатели воспринимают историю как комплекс жизнеописаний и ждут именно такого повествования от автора. Вместе с тем историки нередко следуют за современниками, которые противопоставляли Ленина, Корнилова и Керенского не только как личностей, но и как альтернативы общественно-политического развития. Персонификация же исторических процессов ставит вопрос об исследовании приемов персонификации, использовавшихся современниками.

За последние десятилетия появилось несколько биографий Керенского¹⁹. В некоторых из них тщательно изучаются различные аспекты его жизни. С. В. Тютюкин, например, внимательно рассмотрел деятельность Керенского в Государственной думе. Исследователями введены в научный оборот интересные источники, сделаны важные наблюдения, но деятельность Керенского в 1917 году заслуживает дальнейшего изучения.

Для настоящего исследования особенно важна статья А. Г. Голикова, посвященная не только биографии политика, но и «феномену Керенского»: его репрезентации и восприятию ее общественным сознанием²⁰. Правда, автор рассматривает весь период с марта по октябрь как единый, не обращая внимания на корректировку репрезентации, осуществляющуюся в зависимости от изменения политической ситуации.

Опираясь на биографии Керенского, используя многочисленные исследования, посвященные истории революции, можно приступить к изучению культа вождя. Этот подход позволит рассмотреть некоторые важные аспекты истории борьбы за власть – трудные для понимания, если использовать традиционные методы изучения политики.

При исследовании культа вождя я применяю подходы, опробованные историками общественного сознания. Прежде всего, это Г. Л. Соболев, который расширил представления историков о 1917 годе, в частности о феномене политического: указал на политические аспекты

¹⁷ Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987.

¹⁸ Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

¹⁹ Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев В. К. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996; Федюк В. П. Керенский. М., 2009; Тютюкин С. В. Александр Керенский: Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. А. Б. Николаев опубликовал исследование, посвященное интервью 1917 года, в котором Керенский описывал дни Февраля: Николаев А. Б. А. Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3. С. 108–116. Последняя по времени публикация этого источника: The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution / Ed. S. Lyandres. Oxford, 2013. А. Е. Рабинович сопоставил политическую тактику Керенского и Ленина: Рабинович А. А. Ф. Керенский и В. И. Ленин как политические лидеры периода кризиса // Политическая история России XX века. К 80-летию проф. В. И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб., 2011. С. 209–216.

²⁰ Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73. При описании жизни Керенского автор использует материалы его фонда в Государственном архиве Российской Федерации. Для изучения «феномена Керенского» он привлекает в основном периодическую печать 1917 года. См. также публикацию писем юного Керенского, выявленных А. Г. Голиковым в архиве и подготовленных им к печати: «... Будущий артист Императорских театров»: Письма Александра Керенского родителям / Публ. А. Г. Голикова // Источник: Документы русской истории. (Приложение к журналу «Родина»). 1994. Т. 3. С. 4–22.

функционирования массовой культуры, на политическое значение преобразований в церкви. Наконец, предпринятый им тщательный анализ резолюций показал, что сознание активистов разного уровня существенно отличалось от «правильных» установок руководящих органов политических партий. И ранее историки, советские и зарубежные, изучали среду функционирования политических партий и политических деятелей, но речь шла главным образом о социально-экономических аспектах. В исследовании же Соболева ставился вопрос о необходимости изучения культуры и языка для понимания феномена революционной власти²¹.

Также я опирался на подход, примененный Р. Уортманом для изучения репрезентации императорской власти²². Ранее я уже использовал некоторые исследовательские приемы этого автора, скорректировав их в соответствии с задачами своей работы, посвященной «образам» членов царской семьи в годы Первой мировой войны²³. В книге «Трагическая эротика» я стремился описать не только репрезентацию императора, но и «образы» других представителей династии, либо влиявшие на репрезентационную тактику монарха, либо помогающие лучше ее понять. Меня интересовала не только реконструкция истории создания «образа», но и история его использования. Я пытался изучать не только «положительные» образы членов императорской семьи, но и образы «негативные». Впрочем, противопоставление «негативных» и «позитивных» образов весьма условно: в разных контекстах, разными участниками событий они могут восприниматься и использоваться по-разному.

Подобный подход я применяю и в этом исследовании. Вместе с тем особенности изучаемой культурной и политической ситуации, прежде всего необычайный динамизм революционной эпохи, требуют от историка расширения набора применяемых исследовательских приемов. Больше внимания понадобилось уделить быстро менявшемуся политическому контексту, который непосредственно влиял на конструирование образов власти. Культ Керенского я рассматриваю, сравнивая его с репрезентациями других вождей той поры.

В соответствии с задачами исследования и на основе имеющихся источников я и строю свое повествование о репрезентациях «революционного вождя». Пеструю коллекцию его образов я стремился упорядочить, объединяя и классифицируя их по разным принципам. Прежде всего, я пытаюсь выделить те образы Керенского, которые получали особое значение и особое распространение. При этом и популярность, и, наоборот, отсутствие какого-либо подобного образа в той или иной группе источников ставят передо мной частные исследовательские вопросы. Некоторые особенно важные источники требуют развернутого комментирования. Для понимания создания, распространения и всевозможного использования образов Керенского я пытаюсь реконструировать соответствующие культурные и политические контексты, уделяя особое внимание контексту политической борьбы. Такой прием – многомерная контекстуализация – позволяет связать исследование культа Керенского с общей политической историей революции.

При этом изучение слухов о лидере не менее важно, чем фактографическая реконструкция событий²⁴. Слух, передаваемый авторитетным специалистом, мнению которого доверяют в силу его профессиональной компетенции, получает статус экспертной оценки и влияет на принятие политических решений, а слухи, которым верят массы современников, оказывают огромное воздействие на ход истории. Противопоставление слухов тому, что «было на самом

²¹ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.

²² Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton (NJ), 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II (см. на рус.: Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002–2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II).

²³ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

²⁴ В авторитетном, во многих отношениях непревзойденном исследовании политической элиты эпохи Первой мировой войны слухи упоминаются неоднократно. См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1915). Л., 1967. С. 99, 112, 115, 116 и др. В. С. Дякин неоднократно указывал, что слухи влияли на политическую ситуацию.

деле», методологически наивно: исследователь должен учитывать все факторы, которые влияли на изучаемые процессы.

Для исследования культурных форм укрепления авторитета вождя важны тексты самого Керенского, прежде всего его речи и приказы. Многие партийные лидеры осуществляли свое руководство, публикуя статьи, брошюры и даже тексты, претендующие на статус научных (достаточно вспомнить, например, брошюру В. И. Ленина «Государство и революция»). Немало внимания они уделяли и переписке – также важному инструменту политического руководства. И во время революции многие «вожди» оставались за письменным столом: в собрание сочинений Ленина входят несколько томов, состоящих из текстов статей, брошюр, писем, созданных в 1917 году. И Ленин в этом отношении не был исключением: Милоков и Чернов, Плеханов и Мартов, Шульгин и Троцкий в то время немало писали и много читали²⁵. В России политический авторитет часто строился на основе идеологических текстов лидера: «вождь» был «властителем дум» (впоследствии и советские вожди, сменившие Ленина, претендовали на роль лидеров-интеллектуалов, «верные ученики» в свою очередь стремились приобрести положение великих «учителей»).

Керенский же утверждал свой статус лидера с помощью приказов и речей. Его публичные выступления были известны современникам по газетным публикациям, в 1917 году вышло и несколько отдельных изданий речей и приказов министра (что свидетельствовало об их популярности и востребованности – выступления других политиков не привлекали такого внимания книгоиздателей). Порой в различных публикациях по-разному излагалось содержание одной и той же речи, и в таком случае перед историком встает задача их сопоставления, хотя точно реконструировать это содержание невозможно. Изучение риторической тактики оратора позволяет сделать наблюдения относительно репрезентации вождя. Важно ставить вопрос о воздействии той или иной речи на современников, а значит, рассматривать историю цитирования выступлений. Публикации могут дать и представление о реакции аудитории: в них фиксируются аплодисменты, возгласы; при этом и упоминания в разных источниках о поведении слушателей также могут различаться.

Большое значение представляют пропагандистские и информационные материалы. Изучение их кажется простой задачей, но эта простота обманчива, ибо исследователь не всегда может быть убежден, что верно понимает значение терминов, которые кажутся современному читателю вполне ясными (показательны приведенные уже примеры использования и восприятия слов «демократия», «царь», «государство»). Историк должен помнить о тех разнообразных смыслах, которые вкладывали в эти тексты авторы, и о тех интерпретациях, которые могли дать этим текстам в 1917 году читатели и слушатели; исследователь должен взять на себя роль «переводчика» с языка революции.

Важнейшим источником являются политические резолюции, петиции, поздравления, коллективные письма. Историки по-разному оценивают их информационную ценность. Однако сам факт того, что письма направляются в определенное издание или орган власти, сигнализирует о наличии определенной позиции: их составители часто ориентируются на ту структуру, которую они уже считают авторитетной. Например, можно предположить, что взгляды людей, писавших в «Известия» Петроградского Совета, были близки к позиции этой газеты, а то и совпадали с ней. Взгляды же явных противников издания представлены в массиве писем, поступавших в редакцию, непропорционально малым числом обращений²⁶.

²⁵ На заседаниях Временного правительства Чернов писал статьи для партийной газеты, несмотря на призывы его союзника И. Г. Церетели принимать участие в обсуждении важных вопросов. Историк эсеров отмечал, что вместо того, чтобы писать законы, лидер партии писал газетные статьи: *Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October, 1917. New York, 1958. P. 332, 333–334.* Это был тот стиль политического руководства, к которому Чернов привык.

²⁶ В своем важном исследовании О. С. Поршнева недостаточно учитывает это ограничение, когда изучает письма как

Иногда за резолюциями и коллективными письмами не признается информационной ценности. Предполагается, что источник может лишь иллюстрировать настроения участников событий. Например, В. П. Федюк цитирует резолюцию, опубликованную в одной из ярославских газет вскоре после назначения Керенского военным министром: «Команда ярославского военного лазарета, собравшись 9 мая для выборов членов дисциплинарного суда, единогласно постановила приветствовать Вас – первого министра-социалиста, пользующегося любовью и уважением всей Руси Великой. С радостью отдаем все наши силы в Ваше распоряжение». Историк задается вопросом: «Лазаретная команда (сколько в ней числилось человек? двадцать? тридцать?), собравшись для решения вполне конкретного вопроса, ни с того ни с сего посылает министру телеграмму с выражением преданности и любви. Если подумать, в этом было что-то ненормальное»²⁷. Последнее замечание, касающееся отклонения от «нормы», в равной мере приложимо к множеству приветственных телеграмм в адрес Керенского, которыми действительно были полны газеты этого времени.

Но исследователь может задать и иные вопросы. Почему, например, газета сочла необходимым напечатать резолюцию такого подразделения, ведь эта публикация могла выглядеть комичной? Разумно предположить, что в данном случае важен был не авторский коллектив, а содержание резолюции. Так, наверное, должен был реагировать на назначение Керенского идеальный читатель этой газеты. Некоторые периодические издания, ранее не публиковавшие резолюций и коллективных писем, начали делать это в 1917 году – тем самым аудитории газеты подавался сигнал: образцовые граждане должны поступать подобным образом; и если издание пользовалось авторитетом, то такого рода публикации могли спровоцировать появление новых резолюций. Интересен и язык цитированного патриотического послания: его авторы ценят то обстоятельство, что Керенский является социалистом, и выражают уверенность, что «вся Русь» не только уважает министра, но и «любит» его, т. е. речь идет о предписываемой политической эмоции.

Можно предложить и ответ на вопрос В. П. Федюка. Вероятно, автор резолюции, составленной от имени команды госпиталя, претендовал на то, что выражает мнение коллектива, и использовал подобающие слова, которые должен был находить активист, претендующий на влияние. Резолюции не всегда точно отражали мнение коллективов, но они позволяют судить о языке многочисленного «комитетского класса» – тех членов всевозможных комитетов и советов, которые эти резолюции и составляли. Это важно и для понимания отношения к общенациональным лидерам, и для изучения тактики влияния активистов внутри коллективов. Немало «комитетчиков» строили свой авторитет на основе авторитета вождя – ссылаясь на последний и стараясь его укрепить.

Часть перечисленных выше источников выявлена автором в газетах 1917 года. Ни для какого другого этапа российской истории периодическая печать не может служить столь же ценным и богатым источником информации: отмена цензуры и интерес к печатному слову привели к появлению множества изданий, они дают представление обо всем спектре политических взглядов и даже о его специфичных оттенках. Иногда помощь исследователю могут оказать обзоры печати, тематические подборки вырезок из газет, составлявшиеся и разными ведомствами, и отдельными современниками²⁸.

Для изучения культов вождей интерес представляют дневники участников событий, их переписка. Правда, использование этих источников связано с некоторыми трудностями. Во-

источник для реконструкции сознания «низов». См.: *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

²⁷ Федюк В. П. Керенский. С. 144.

²⁸ Об обзорах печати, создававшихся разными ведомствами, см.: *Жданова И. А.* «Век пропаганды»: Управление информацией в условиях войны и революции в России в марте – октябре 1917 г. // Отечественная история. 2008. № 3. С. 129–136. Керенский внимательно изучал подобные обзоры – см.: Там же. С. 135.

первых, историк не всегда может быть уверен, что имеет дело с подлинным источником: авторы и публикаторы могли по разным причинам исказить текст, в некоторых случаях за дневники, например, выдавались более поздние воспоминания. Во-вторых, исследователь сталкивается с тем, что в представительстве разных социальных и культурных групп среди авторов писем и дневников имеется перекося в сторону обладателей некоторых профессий. Например, известно довольно много писательских дневников. Это неудивительно: для писателей дневник нередко является рабочим инструментом, сырьем для создания новых произведений (некоторые из них и получают форму дневника). В научный оборот введено также немало дневников и писем офицеров и генералов: образованные люди, оторванные в условиях войны от семей, отражали свою жизнь на бумаге. Однако дневников и писем предпринимателей известно мало. Также, несмотря на давний и обоснованный интерес исследователей к промышленным рабочим, в научный оборот введено немного источников личного происхождения, созданных в этой среде. Вероятно, рабочие нечасто вели дневники и не заботились о сохранении своей переписки. Уровень грамотности и образования авторов, членов их семей, особенности культуры общения в разных средах влияли на создание, а затем и публикацию писем и дневников; репрессии же советского времени не способствовали – во всех слоях общества – их хранению. Здесь подспорьем для историка могут стать обзоры переписки, подготовленные военными цензорами: историки могут использовать цитаты из писем, казавшиеся цензорам типичными или (и) особенно интересными, а также опираться на экспертные суждения, которые они, цензоры, давали в аналитических записках, обобщая свои наблюдения над настроениями авторов писем.

Экспертиза специалистов также может помочь и при реконструкции сознания неграмотных и малограмотных современников, прежде всего солдат: рапорты и отчеты командиров, комиссаров и «комитетчиков» разного ранга позволяют сверить оценки, сделанные людьми разных политических взглядов.

Значение воспоминаний для настоящего исследования ограничено, так как о политическом сознании участников событий невозможно судить на основании текстов, созданных позднее, – скорее их можно использовать для реконструкции политической культуры и исторического сознания той эпохи, когда они были написаны. И все же воспоминания важны для настоящего исследования: мемуаристы оказали – и продолжают оказывать – огромное воздействие на историографию. В текстах Л. Д. Троцкого и П. Н. Милюкова, А. И. Деникина и Ф. А. Степуна порой трудно определить, где кончаются их воспоминания и начинается аналитическое осмысление истории, основывающееся на профессиональных знаниях авторов, которые не только опираются на свою память, но и изучают источники. И наоборот, в некоторые «истории», создававшиеся участниками событий, включались – в явной или скрытой форме – автобиографические фрагменты. В известном смысле это относится и к воспоминаниям Керенского²⁹.

Изучение культа Керенского невозможно без использования портретов, плакатов, почтовых карточек, шаржей и карикатур, значков и жетонов с изображениями вождя³⁰. Исследование визуальных источников позволяет судить иногда о «спросе на Керенского»: готовность

²⁹ На основе материалов архива Гуверовского института Стэнфордского университета (США) Керенский издал, совместно с американским историком Р. П. Броудером, сборник документов: *The Russian Provisional Government, 1917: Documents / Ed. R. P. Browder, A. F. Kerensky. Stanford (Calif.), 1961. Vol. 1–3.* Это одна из наиболее важных публикаций источников по истории революции. Составляя сборник, Керенский исключил из него ряд документов, неблагоприятно освещавших его собственную деятельность.

³⁰ Об интересе к изображениям Керенского свидетельствует и то, что его портреты особенно часто печатались в периодических изданиях. Так, в 1917 году его портреты публиковались не менее чем в 32 журналах, при этом не менее 12 печатали их в двух и более номерах. Между тем портреты Милюкова публиковались в том же году в 17 журналах, Брешко-Брешковской – в 16, Гучкова – в 15, Родзянко – в 13, Чернова – в 12, Плеханова – в 8, а Ленина – в 6. См.: *Русские портреты, 1917–1918 гг. / Сост. М. Г. Флеер. Пб., 1921 (репринт. изд.: М., 2010).* М. Г. Флеер не смог, разумеется, просмотреть всю выходящую периодику, однако основные иллюстрированные издания были им учтены, и эти сведения дают представление о распространенности визуальных образов различных политических лидеров.

потребителей приобретать его изображения свидетельствовала о популярности лидера. Не все источники такого рода доступны сейчас исследователям – многие отсутствуют в музейных коллекциях и каталогах коллекционеров, но в этом случае историки могут воспользоваться различными их описаниями в современной событиям прессе, в письмах и дневниках.

Главное внимание в этой книге уделено тем образам вождя, которые создавались и распространялись в марте – июне 1917 года, хотя в случае необходимости я выхожу за эти хронологические рамки. Во многих работах историков данный период рассматривался как особый – «мирный период развития революции», «период двоевластия». Однако выбор именно этого временного отрезка был связан для меня не только с историографической традицией. Все перечисленные группы источников – речи Керенского, пропагандистские материалы, политические резолюции, документы личного происхождения, воспоминания, визуальные источники – я изучал, исследуя весь период революции 1917 года³¹. Работа же с этими источниками позволяет сделать вывод о том, что для становления культа вождя важен был именно этап с марта по июнь. У главы Временного правительства оставалось много поклонников летом и даже осенью 1917 года: можно привести немало газетных заметок и политических резолюций, поддерживавших его. Однако при этом сторонники Керенского продолжали использовать те положительные образы, которые были созданы еще на начальном этапе революции – арсенал средств прославления лидера сформировался уже в мае-июне. Новые образы главы Временного правительства, появившиеся позже, были нацелены уже на делегитимацию вождя.

Каким образом, с помощью каких приемов укреплялся (и ослаблялся) авторитет Керенского в марте – июне 1917 года? Какие культурные формы его авторитет принимал, какая тактика при этом использовалась? Какие фазы прошел данный процесс? Как особенности политической борьбы в марте – июне 1917 года влияли на различные проекты легитимации/делегитимации Керенского? Какие силы и какие интересы за этим стояли?

³¹ Различные аспекты деятельности Керенского на протяжении всего 1917 года и процессы создания и использования его образов в этот период я рассмотрел в некоторых своих публикациях: *Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и Мережковские // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106; Idem. Kerensky // Critical Companion to the Russian Revolution / Ed. E. Acton, V. Iu. Cherniaev, W. G. Rosenberg. London; Sydney; Auckland: Arnold, 1997. P. 138–149 (см. на рус.: Он же. Керенский // Критический словарь русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 128–138); Он же. Культ А. Ф. Керенского: Образы революционной власти // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 43–66; Он же. Британские миссии и А. Ф. Керенский (Март – октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию Р. Ш. Ганелина / Ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 67–76; Он же. Культ А. Ф. Керенского: Образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108; Он же. Александр Федорович Керенский в его речах (1917 год) // Нестор. 2001. № 1 (5). С. 125–140; Idem. «We» and «I»: Alexander Kerensky in His Speeches // Autobiographical Practices in Russia – Autobiographische Praktiken in Russland / Eds. J. Hellbeck, K. Heller. Göttingen, 2004. S. 179–196; Он же. «Его превосходительство» «министр народной правды»: А. Ф. Керенский в политическом сознании (март – октябрь 1917 года) // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX века): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 года. СПб., 2004. С. 341–353; Он же. Легитимация через жизнеописание: Биография А. Ф. Керенского (1917 год) // История и повествование / Ред. Г. В. Обатнин и П. Песонен. Хельсинки; М., 2006. С. 246–278; Он же. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // Jews and Slavs. Jerusalem, 2006. Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia. P. 241–253; Он же. «Каторжные приказы Керенского»: К изучению большевистской пропаганды в мае 1917 г. // Новейшая история России (К 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 49–73; Idem. The Political Use of the Past: Kerensky as an inventor of political tradition // ICEES VIII World Congress: Eurasia: Prospects for Wider Cooperation. Abstracts, July 26–31, Stockholm. Stockholm, 2010. P. 56–57; Он же. А. Ф. Керенский как «первый гражданин» // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории / Ред. Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. М., 2010. Вып. 2. С. 134–149; Он же. Керенский как «новый человек» и новый политик: К изучению генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России (Конец XIX – XX век): Материалы международного научного colloquium. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 262–274; Он же. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии»: Сб. докладов. СПб., 2013. С. 93–103; Он же. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А. Ф. Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. No. 7. P. 1–51; Idem. Russian Leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22 / Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks, and M. K. Stockdale. Bloomington, 2014. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. P. 27–54; Он же. Образы А. Ф. Керенского в газете «Дело народа» (март – октябрь 1917 года) // Судьбы демократического социализма в России: Сб. материалов конференции / Отв. ред. К. Н. Морозов. М., 2014. С. 202–221.*

На перечисленные вопросы я и пытаюсь ответить в этой книге.

Глава I. Революционная биография и политический авторитет

В мае 1917 года Керенский, ставший военным и морским министром, издал напоминающий царский манифест приказ, который содержал яркую автобиографическую характеристику: «Безмерно тяжело новое бремя мое, но как старый солдат революции, беспрекословно подчиняясь суровой дисциплине долга, я принял перед народом и революцией ответственность за армию и флот»³².

Тридцатишестилетний министр причислял себя к ветеранам освободительного движения, привыкшим к революционной дисциплине, и это служило обоснованием его собственного права требовать «железной» дисциплины от подчиненных ему военнослужащих. Подобный прием Керенский неоднократно использовал и в своих речах, обращенных к солдатам и матросам. Такого рода заявления должны были укреплять авторитет революционного политика, ставшего государственным деятелем, а эта репутация требовала подтверждения событиями личной биографии. Соответственно, и сам министр, и его сторонники разными способами постоянно напоминали о тех эпизодах жизни Керенского, которые были пригодны для политического использования в 1917 году.

Необходимо рассмотреть это «биографическое» измерение формирования авторитета революционного вождя, выявить роль Керенского, его сторонников и союзников, иных участников политического процесса, распространявших сведения о жизненном пути популярного лидера. Важно также выявить, какие эпизоды жизни Керенского использовались особенно часто, а какие подлежали редактированию и даже забвению. Необходимо рассмотреть и вопрос о том, как биография вождя связывалась с новой политической традицией, новой картиной исторического прошлого России. Интерес представляют и усилия противников Керенского, которые в своих целях использовали собственные интерпретации различных аспектов его жизни.

Биография политика в данном случае не является специальным предметом изучения – для задач этого исследования она важна лишь в той степени, в какой использовалась или игнорировалась в политической борьбе 1917 года.

³² Единство. 1917. 14 мая.

1. Биографии и биографы

В 1917 году информацию о жизни Керенского можно было получить из различных источников: из свидетельств самого министра, из воспоминаний его современников, из упоминаний в речах других политиков, в заметках журналистов, в резолюциях разного рода; все это дополнялось всевозможными слухами. На основе такой информационной мозаики у жителей революционной России и создавались более или менее правдоподобные картины жизни политического лидера до революции. Особое значение имели тексты, специально созданные для ознакомления читателей с биографией Керенского.

Разные причины заставляли писателей и журналистов, членов всевозможных комитетов и представителей военного командования обращаться к истории жизни Керенского, цитировать его речи и вспоминать его поступки. Одни желали укрепить авторитет своего вождя, другие откликались на общественный запрос, ибо интерес к жизненному пути популярного политика был велик. Нельзя сбрасывать со счетов и материальные соображения: издатели газет и владельцы книгоиздательств готовы были заказывать и оплачивать тексты на востребованную тему, ведь Керенский в то время «хорошо продавался». Министр не мог непосредственно влиять на все проекты создания своих жизнеописаний, но, как мы увидим далее, часто он сам и (или) его ближайшее окружение инициировали появление подобных текстов, способствовали их созданию и распространению.

Керенский хорошо умел работать с прессой, а его сотрудники знали, как и когда делиться актуальной и интересной информацией с влиятельными журналистами, охотившимися за новостями. Несмотря на свою чрезмерную занятость, министр находил время для бесед с издателями и журналистами, писателями и редакторами, знакомил их со своей интерпретацией меняющейся ситуации, давал им рекомендации относительно освещения разных политических вопросов. Порой, однако, Керенский публично заявлял, что не читает те разделы газет, в которых речь идет о нем самом. Возможно, министр и не кривил душой, но он не упоминал, что регулярно изучает обзоры периодической печати, которые для него постоянно готовили его сотрудники. Керенский создавал информационные и пропагандистские структуры в Министерстве юстиции, а затем и в Военном министерстве. Они страдали многими недостатками (российская пропаганда военного времени вообще существенно уступала германской и британской), но по сравнению с другими ведомствами Временного правительства Керенский и его сотрудники действовали энергично и инициативно, активно влияя на прессу и получая информацию о состоянии общественного мнения³³.

В распоряжении Керенского оказался после революции важный ресурс. «Приказ № 1», подписанный им в качестве министра юстиции в дни Февраля, поручал академику Н. А. Котляревскому вывести из Департамента полиции все бумаги и документы, «какие он сочтет нужным», чтобы доставить их в Академию наук³⁴. Секретные материалы Охранного отделения содержали важную информацию, касающуюся множества современников, и следовало озаботиться сохранением этих документов. Впрочем, не все они были переданы в Академию наук. Так, в Министерство юстиции было доставлено досье самого Керенского, заведенное на него тайной полицией еще в 1905 году³⁵. Журналистам демонстрировали эти документы, их раз-

³³ Жданова И. А. «Век пропаганды». С. 140.

³⁴ Речи А. Ф. Керенского о революции / С очерком В. В. Кирьякова «Керенский как оратор». Пг., 1917. С. 50. Это действие министра юстиции вызвало критику со стороны некоторых юристов: Керенский отдавал распоряжение служащему Министерства народного просвещения, касающееся структуры, относящейся к другому ведомству – Министерству внутренних дел. Сторонники же Керенского видели в этом действии, игнорирующем ведомственные барьеры, лишь проявление революционного духа. См.: Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. Пг., 1917. № 1. С. 3.

³⁵ Фотография обложки дела Керенского из архива полиции была опубликована. На ней видна его кличка, использовав-

решалось цитировать. В газетах появились и довольно обширные публикации о Керенском, в которых использовались документы Охранного отделения³⁶. В прессе сообщалось об аналогичных разысканиях, предпринятых местными активистами в провинциальных полицейских архивах³⁷.

Центральный комитет Трудовой группы, к которой принадлежал в Государственной думе Керенский, выпустил специальную брошюру, содержащую выдержки из его досье и два полицейских циркуляра 1915 года, напечатанных в ней полностью. Тираж издания был по тем временам весьма большим – 50 тысяч экземпляров³⁸, что свидетельствовало о солидном финансировании этого проекта. Как заявляли публикаторы, подборка документов, подготовленных в свое время профессионалами политического сыска, позволяла составить объективное и непредвзятое представление о масштабах революционной деятельности Керенского: «Донесения охранников и жандармов составлены до революции и идут из враждебного лагеря, отчего будут рассказывать объективнее нас». В предисловии (оно датировано 18-м июня) говорилось: «Он не пришел на готовое, но днями и месяцами трудился над подготовкою того переворота, главным деятелем которого ему суждено было стать»³⁹. Отобранные документы свидетельствовали о том, как информаторы и аналитики Охранного отделения описывали политическую, прежде всего нелегальную, деятельность Керенского. Далее мы увидим, что порой они приписывали ему и такие поступки, которых он не совершал, однако в условиях революции даже преувеличения, «подтвержденные» экспертизой политических противников, способствовали укреплению революционного авторитета главного героя публикации. Наверняка это издание появилось благодаря содействию министра или его сотрудников.

Было опубликовано и несколько сборников речей и приказов Керенского, включая и тексты его дореволюционных выступлений в Государственной думе. Особое внимание уделялось тем речам, которые в свое время были запрещены к публикации. И в этих случаях можно предположить личное участие министра в подготовке изданий. Так, в некоторых брошюрах указывалось, что он предоставил публикаторам подлинные стенограммы своих выступлений (в официальных думских публикациях они порой подвергались правке). Сторонники Керенского, издававшие после революции его речи, приводили в предисловиях к публикациям краткие жизнеописания оратора, помещая политика в исторический пантеон известных «борцов за свободу». Так, например, в предисловии к сборнику речей Керенского, выпущенному в Киеве издательством социалистов-революционеров «Благо народа», его имя упоминалось наряду с именами главных героев этой партии – народовольцев и членов Боевой организации эсеров, а жизненный путь лидера рассматривался как важная часть истории революционного движения. Краткая же биография вождя излагалась следующим образом:

И до революции А. Ф. Керенский пользовался широкой известностью как лидер трудовой партии в Государственной Думе, как расследователь ленских событий, как автор запроса, обращенного к правительству по поводу расстрела рабочих на ленских приисках.

шьяся агентами наружного слежения, – «Скорый» (см.: *Жилинский В.* Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // *Голос минувшего.* 1917. № 9/10. С. 255). Утверждали, что на выбор этого кодового имени повлияли необычайно быстрые передвижения энергичного объекта наружного наблюдения.

³⁶ См.: *Л-в О. А. С.* [sic. – *Б. К.*] Керенский под наблюдением охраны // *Новая жизнь.* 1917. 20 апреля. Возможно, автором публикации был упоминаемый далее в тексте О. Л. Леонидов. См. также: *Царская охранка об А. Ф. Керенском* // *Петроградская газета.* 1917. 27 июня.

³⁷ Так, в Саратове обнаружили объемистый том документов, посвященных Керенскому (он был избран в Государственную думу от Саратовской губернии). См.: *Живое слово.* 1917. 12 марта.

³⁸ Здесь и далее сведения о тиражах изданий взяты из «Книжной летописи» за 1917 год.

³⁹ Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). Пг., 1917. С. 3.

Неоднократно выступал Керенский в защиту инородцев, особенно евреев, которых больше всего угнетал царский деспотизм.

За несколько дней до революции царские министры решили потребовать от Государственной Думы исключения Керенского для предания его суду за речь, произнесенную им 16 февраля, против царя и правительства, а 26 февраля эти же министры вместе с царем были арестованы и Керенскому поручена охрана их⁴⁰.

В этом тексте отмечены наиболее важные и яркие вехи жизнеописания Керенского, относящиеся к думскому периоду его деятельности: расследование Ленского расстрела, защита национальных меньшинств, антиправительственные речи в Думе, арест царских министров.

Некоторые издания соединяли сведения о жизни министра с выдержками из наиболее известных его речей. Так, в Петрограде не ранее июня была выпущена брошюра «Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. Его жизнь, политическая деятельность и речи»⁴¹. В этой наспех составленной публикации коротко излагалась биография министра и цитировались – иногда весьма подробно – его выступления и приказы.

В 1917 году жизнь вождей стала предметом интереса публики и описаний биографов, но ни один деятель Февраля не удостоился такого количества популярных жизнеописаний, как Керенский. Это объясняется и особым общественным интересом к личности министра, и значительными финансовыми ресурсами, инвестированными в его прославление, и политическими потребностями тех сил, которые его поддерживали. Наконец, среди писателей и публицистов было немало искренних сторонников известного политика – они охотно и творчески превозносили его, получая соответствующие заказы, а может быть, и иницируя их.

Первым биографом Керенского стал Василий Васильевич Кирьяков (1868–1923). Его очерки, вышедшие в 1917 году, были подготовлены и опубликованы при содействии Керенского, а возможно, и по его просьбе. Автор был давно знаком с революционным министром. Народный учитель, активист общественных учительских организаций и известный в радикальных кругах публицист, Кирьяков стал в 1905 году видным деятелем Всероссийского крестьянского союза, он избирался во II Государственную думу⁴². Когда руководители Крестьянского союза были арестованы и отданы под суд, Керенский в качестве адвоката защищал Кирьякова. Они и впоследствии поддерживали отношения. В 1917 году Кирьяков печатался в изданиях трудовиков, а осенью взял на себя руководство петроградской газетой «Народная правда», выпускавшейся сторонниками Керенского на американские средства⁴³. Весьма вероятно, что биографии министра, подготовленные этим автором, были составлены по заказу самого министра или его сотрудников.

В популярном иллюстрированном журнале «Нива» в мае 1917 года Кирьяков опубликовал специальный очерк, посвященный дореволюционной деятельности Керенского, сопровождавшийся фотографиями министра, в том числе и портретом, сделанным уже после революции⁴⁴. Повествование о жизненном пути политика не было завершено журналом; читателям сообщалось, что автор очерка готовит к печати в издательстве «Народная власть» специальную

⁴⁰ Речи А. Ф. Керенского. Киев, 1917. С. III–IV (1-я паг.). В тексте содержится ошибка: аресты министров начались 27 февраля, а император был арестован еще позже.

⁴¹ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. Его жизнь, политическая деятельность и речи. Пг., 1917. Подготовка текста была завершена в середине мая.

⁴² Кирьяков В. В. Записки депутата 2-й Государственной Думы. СПб., [1907].

⁴³ Ганелин Р. Ш. Россия и США, 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 371.

⁴⁴ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287–288; № 20. С. 294–297. Кирьяков был и автором предисловия к сборнику речей министра, выпущенному издательством «Солнце свободы». Издатели характеризовали Василия Васильевича как товарища Керенского по партийной деятельности. См.: Речи А. Ф. Керенского о революции / С очерком В. В. Кирьякова «Керенский как оратор».

брошюру, посвященную жизнеописанию «борца за свободу». В ней предполагалось изложить действия министра и «в светлые дни революции, как гения русской свободы»⁴⁵. Действительно, в этом петроградском издательстве, созданном правыми эсерами, Кирьяков вскоре опубликовал (под псевдонимом «В. В-й») брошюру «А. Ф. Керенский»; в ней также была воспроизведена фотография Керенского-министра. Первые главы представляли собой переработанный и сокращенный вариант очерка, опубликованного ранее в «Ниве». Работу над брошюрой автор завершил в первой половине мая и довел повествование о жизни министра до этого времени. В свой текст Кирьяков включил собственные воспоминания о встречах с Керенским, газетные публикации эпохи революции, документы из архивов полиции (очевидно, последние были предоставлены сотрудниками министра). Автор подробно цитировал некоторые важные речи политика – стилистически неоднородный текст биографии порой превращается в плотную подборку цитат.

В описании Кирьякова его герой – «первый гражданин свободной России, первый народный трибун-социалист, первый народный министр юстиции, министр правды и справедливости». Керенский для Кирьякова не только главный лидер Февраля, но и важный символ революции: «Словом, нет теперь популярнее человека, нет известнее имени Александра Федоровича Керенского. Оно стало и у нас, и за границей как бы благородным символом благородной Великой Русской Революции»⁴⁶.

По сравнению с другими биографиями Керенского, изданными в 1917 году, тексты Кирьякова – наиболее «народнические» и «морализующие». В его жизнеописании министра можно встретить и тему «неотплатного долга» интеллигенции, и романтизацию многострадального «народа», им присуща этизация социальных, политических проблем и романтизация «борца за свободу». Эти тексты – откровенно партийные: автор стремится привлечь читателей на сторону социалистов-революционеров. Биография политика описывается Кирьяковым как неразрывная часть истории революционного движения, изложенной с позиций правых эсеров (не только большевики, но и некоторые умеренные социалисты, в том числе и однопартийцы автора, оцениваются им критически). Своего героя Кирьяков описывает как носителя народнического мировоззрения, который демонстрирует редкий политический дар лидера, позволяющий ему осуществлять особую связь с народом: «А. Ф. Керенский умеет заглянуть в самую душу народа, всколыхнуть в ней своими речами все таящееся великое и святое, слиться сам с ней в творческом процессе и тем навсегда притянуть ее к себе»⁴⁷.

Данные Кирьяковым портретные характеристики выделяют энергию политика и его искреннюю преданность революции: «Бурный и порывистый в движениях и речах, он весь – огонь, весь революционное чувство. Близкие друзья говорят про него: “Не ходит, а бегаёт; не говорит, а стреляет”»⁴⁸. Психологическая же характеристика лидера должна была показать читателю, что герой повествования Кирьякова может обладать и удивительным даром предсказания, который и делает его вождем революции: «Особенность психики А. Ф. Керенского – нервная чуткость к политическим событиям, доходящая часто до предвидения их»⁴⁹.

Кирьяков был и автором популярных жизнеописаний тех ветеранов народнического движения, которые в 1917 году поддерживали Керенского⁵⁰. В этих очерках используются те же приемы: через идеализированные биографии героев и мучеников, ветеранов движения, Е. К. Брешко-Брешковской и Н. В. Чайковского, автор описывает историю революционных органи-

⁴⁵ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 20. С. 294.

⁴⁶ Там же. С. 287; В-й В. [Кирьяков В. В.] А. Ф. Керенский. Пг., 1917. С. 3.

⁴⁷ Там же. С. 36.

⁴⁸ Там же. С. 35.

⁴⁹ Там же. С. 16.

⁵⁰ Кирьяков В. В. Дедушка и бабушка русской революции: Н. В. Чайковский и Е. К. Брешко-Брешковская. Пг., 1917.

заций. И здесь Кирьяков пристальное внимание уделяет особой эмоциональной связи, с одной стороны, своих героев, выполняющих личный нравственный долг, и, с другой стороны, народа, который они стремятся освободить. Тема взаимной любви, любви революционеров к народу и ответной любви народа к своим героям-освободителям, играет большую роль в хорошо разработанном к тому времени жанре народнической политической агиографии, в котором работал Кирьяков, и эта же тема развивается им и в жизнеописании Керенского.

Другая брошюра, посвященная Керенскому, принадлежала перу Олега Леонидовича Леонидова (Шиманского, 1893–1951), профессионального прозаика, поэта, драматурга, переводчика, критика и публициста, который приобрел впоследствии известность как автор сценариев для знаменитых советских кинофильмов⁵¹. Во время революции Леонидов находился в рядах армии, однако, похоже, трудился преимущественно в качестве пропагандиста; как бы то ни было, воинская служба не мешала ему часто публиковаться. Леонидов имел возможность работать с полицейскими документами, пишет он и о своих личных встречах с Керенским – так что и в этом случае весьма вероятно, что министр содействовал выпуску своей биографии. Брошюра Леонидова «Вождь свободы А. Ф. Керенский» была опубликована московским издательством «Кошница» (тиражом 24 тысячи экземпляров); работа над первой редакцией текста завершилась в конце мая. Можно предположить, что эта брошюра пользовалась читательским спросом: вскоре вышло второе издание, которое было дополнено несколькими абзацами, освещавшими последующую деятельность военного министра; обложку второго издания брошюры украшал портрет Керенского. Работу над этой редакцией текста Леонидов завершил вскоре после создания в июле второго коалиционного правительства, когда Керенский уже стал министром-председателем.

Издательство «Кошница» опубликовало еще две пропагандистские брошюры Леонидова, они должны были способствовать укреплению дисциплины в армии⁵². Показательно, что в одном из этих текстов он ссылаясь на авторитет популярного министра, которого именовал «славным вождем», «вождем свободы». Леонидов писал: «...солдат обязан верить Керенскому и должен понять, [что] народный министр, первый и лучший друг народа, не станет злоупотреблять доверием страны и не пошлет на смерть ни одного солдата, если того не требует дело свободы»⁵³. И в этих текстах автор стремится обосновать авторитет вождя, ссылаясь на его жизненный путь, на его революционные и патриотические заслуги: «Он защищал нас еще от царского произвола, когда за такую защиту ему грозила виселица, и он только чудом избег ее. Керенский защищает нас и теперь – от произвола тех гнусных предателей, которые, не дорожа ни Россией, ни свободой, сеют рознь в наших рядах»⁵⁴.

Вместе с тем очерк жизни Керенского, подготовленный Леонидовым, разительно отличается от этих брошюр, которые никак нельзя назвать удачными пропагандистскими изданиями. Автор в них чрезмерно многословен, его аргументы повторяются – сложно представить, чтобы солдаты заинтересовались подобными сочинениями. Жизнеописание же Керенского кажется

⁵¹ Популярными биографии политических и военных деятелей этот автор продолжал публиковать и в советский период. См.: [Леонидов О. Л.] Климент Ефремович Ворошилов: Жизнь и боевая работа / Очерк О. Леонидова; под ред. С. Н. Орловского. М., 1925; *Он же*. М. В. Фрунзе: Биография / Предисл. Ф. Раскольников. М., 1925; *Он же*. С. М. Буденный, вождь красной конницы: Материалы для биографии С. М. Буденного и истории I Конной армии / Предисл. С. М. Буденного. Л., 1925; *Он же*. Военкомдив Павел Бахтуров, к 60-летию со дня рождения (1889–1949). Сталинград, 1949. К историко-революционной теме Леонидов обращался и как сценарист. Он, например, написал сценарий к кинофильму «Москва в Октябре (Борьба и победа)» (1927). Также Олег Леонидович был автором сценариев к кинофильмам «Дети капитана Гранта» (1936) и «Остров сокровищ» (1937).

⁵² Леонидов О. Честь мундира. М., 1917; *Он же*. На страже мира. М., 1917.

⁵³ *Он же*. Честь мундира. С. 11, 12, 24.

⁵⁴ Там же. С. 16. Леонидов утверждает, что армия должна верить своему вождю и оправдать его доверие: «Русская армия и русский народ должны быть преисполнены величайшего счастья, потому что во главе их стоит лучший и первый русский свободный гражданин – Керенский, он живет верой в здравый разум и в нетронутые силы русского народа и русской армии. Наш долг – оправдать эту веру Керенского» (Там же. С. 27).

написанным другим человеком, здесь чувствуется увлеченность Леонидова, его искренний интерес к объекту описания. Этот текст – наиболее беллетристический из всех биографий революционного министра, выпущенных в 1917 году: Леонидов стремился написать живо и ярко. Подобно Кирьякову, он разрабатывает тему особой связи вождя и народа, но использует для этого иной стиль, отличный от канона народнического прославления «борца за свободу», и Керенский предстает не героем-мучеником, а героем-победителем. Леонидов скрещивает жанр народнической агиографии с приемами описания знаменитостей начала XX века в массовых изданиях, создает запоминающиеся портреты министра и образно характеризует его ораторскую манеру. Показательно, что в брошюре Леонидова слово «вождь» вынесено в заголовок; само по себе это свидетельствует о том, что подобная характеристика политика была важна для автора и издательства. Если эсер Кирьяков изображает Керенского верным членом партии социалистов-революционеров, последовательным продолжателем народнической традиции, то в описании Леонидова министр предстает лидером нации, вождем всего народа. Этот текст, пожалуй, наиболее «вождистский» по сравнению с другими биографиями Керенского, и в данном отношении автор также отходит от народнического канона описания героя. Притом для Леонидова Керенский не только «лучший сын народа» и «истинный народный трибун», но и «Волею Божьей народный избранник»⁵⁵. Вряд ли здесь следует видеть прямое влияние монархической традиции, но текст Леонидова сложно назвать сочинением убежденного демократа. В добавлениях, которые были сделаны во втором издании, темы веры вождю, преданности ему и даже слияния с ним были еще более усилены: «Керенский в русском народе и русский народ в нем»; «Но пока есть Керенский, есть и должна быть вера в будущее»; «Грядущий день в руках народа, покуда он с Керенским, всеми признанным вождем свободы»⁵⁶.

Подобно Кирьякову, Леонидов описывает Керенского как важнейший политический символ и в разработке этого образа идет еще дальше, применяя такие риторические приемы прославления политического вождя, которые впоследствии использовались при прославлении уже других лидеров: «Имя Керенского стало уже нарицательным. Керенский – это символ правды, это залог успеха; Керенский – это тот маяк, тот светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов, и от его огня, от его слов и призывов получают приток новых и новых сил для тяжелой борьбы»⁵⁷.

Характеризуя личность вождя, Леонидов особенно подчеркивает удивительную «искренность» «пламенного энтузиаста» революции. Показательно, что слово «энтузиаст» встречается в тексте несколько раз⁵⁸. Описывая же внешность Керенского, Леонидов особое внимание уделяет его взгляду, вновь и вновь обращаясь к взору вождя: «стальные непреклонные глаза», «стальные глаза», «суровые неподвижные глаза»... Вождь может быть физически слаб, даже болен (автор пишет о «тщедушном и щуплом» усталом человеке), но его взгляд говорит о силе и воле, о пронизательности и умении властвовать: «Мрачным, властным и негодующим взглядом Керенский смотрит исподлобья сурово». Политический лидер глядит на собеседника «острым и тяжелым взглядом, который трудно выдержать»⁵⁹. Такая портретная характеристика позволяет автору создать образ сильного, волевого и жесткого политика.

Читатель начала XX века, знакомившийся с брошюрой Леонидова, мог бы вспомнить различные тексты, предвещавшие появление «нового человека». Таким представляли Керенского, как мы увидим далее, и другие авторы.

⁵⁵ Леонидов О. Вождь свободы А. Ф. Керенский. Изд. 2-е, доп. М., 1917. С. 5–6, 17.

⁵⁶ Там же. С. 31, 32.

⁵⁷ Там же. С. 4–5.

⁵⁸ Там же. С. 8, 16, 31.

⁵⁹ Там же. С. 3, 24, 25, 26.

В Одессе книгоиздательство «Власть народа» М. И. Рудмана выпустило брошюру «А. Ф. Керенский народный министр», которая была подписана «Е. В-чь»⁶⁰. Работа над текстом была завершена во второй половине июля. Одесский биограф Керенского сочувствовал партии социалистов-революционеров. Можно также предположить, что он использовал тексты В. В. Кирьякова; во всяком случае, и здесь биография политика связывается с историей эсеров, обе брошюры близки по стилю, по манере отбора и организации материала. Автор, подобно Кирьякову, обильно цитирует речи Керенского, использует он и документальные публикации 1917 года, и семейные фотографии министра. И в этом жизнеописании присутствуют портретные зарисовки, изображающие политика, сделанные очевидцем его выступлений (можно предположить, что он сам слышал речи своего героя). Последний параграф посвящен «личности Керенского». Одесский биограф был уверен, что «народному министру» суждено остаться в истории как создателю нового строя, как олицетворению революции:

Когда мирная жизнь народов, повинувшись незримому ходу исторических законов, выходит из своих берегов – на гребне пенящихся волн взбаламученного моря показываются люди, имена которых впоследствии с любовью и гордостью хранит народная память. Великая русская революция создала уже человека, так тесно слившегося с ней, что не разберешь подчас: он ли ведет события, события ли ведут его. Это – Александр Федорович Керенский, первая любовь свободной России, гражданин, отменивший смертную казнь, вождь «батальонов смерти»⁶¹.

И в этом тексте автор, описывая уникального вождя-спасителя, также использовал тему «любви», «первой любви» и тему «слияния» вождя и народа.

В Петрограде весной 1917 года начал выходить общественно-политический еженедельник «Герои дня: Биографические этюды». Предполагалось, что в нем будут публиковаться очерки жизни выдающихся современников: назывались имена К. Брантинга, Е. Брешко-Брешковской, А. Брусилова, В. Бурцева, Э. Вандервельде, В. Вильсона, М. Горького, А. Гучкова, К. Либкнехта, П. Кропоткина, В. Ленина, Д. Ллойд Джорджа, других российских и зарубежных политических и общественных деятелей⁶². Показательно, однако, что первый же выпуск данного издания оказался посвящен знаменитому революционному министру. Это само по себе свидетельствовало о популярности Керенского. Тан (Владимир Германович Богораз, 1865–1936), участник народовольческих кружков, ставший известным этнографом, лингвистом и писателем, представил в этом выпуске свой очерк «А. Ф. Керенский. Любовь русской революции»⁶³. Тан, который, подобно Кирьякову, участвовал в деятельности Всероссийского крестьянского союза, стал и одним из организаторов Трудовой группы, т. е. политически автор очерка был близок к Керенскому, которого знал лично; общался Тан, по-видимому, и с членами семьи Керенского⁶⁴.

Тема политической любви к Керенскому, вынесенная Таном в заголовок, присутствует, как мы видели, и в других популярных биографиях министра, но в очерке Тана она звучит особенно сильно: «Я бы назвал его “Любовью революции”, первой девственной любовью», – пишет автор. К этой теме он возвращается и в конце своего очерка: «У Русской Революции

⁶⁰ Возможно, под данным псевдонимом скрывался Е. Владимирович, который был автором ряда других брошюр, изданных в то время в Одессе, однако определенно этого утверждать нельзя.

⁶¹ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. Одесса, 1917. С. 3.

⁶² Были напечатаны выпуски, посвященные Брешко-Брешковской, Брусилову, Кропоткину. См.: Русские портреты, 1917–1918 гг. С. 6, 7, 25.

⁶³ Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. Пг., 1917. № 1.

⁶⁴ При этом автор не всегда верно излагал обстоятельства жизни Керенского. Он, например, утверждал, что тот переехал из Петербурга в Саратов (см.: Там же. С. 2). В действительности же Керенский, хотя и представлял Саратовскую губернию в Государственной думе, продолжал жить в столице.

будет много любимцев и интимных избранников, но первая девственная любовь молодой Революции никогда не пройдет, никогда не забудется»⁶⁵. Тан, подобно другим биографам Керенского, напоминал читателю о принадлежности своего героя к социалистам-революционерам, указывая при этом на его совершенно особое место в партии: «Керенский является высшим типом “эсера”. Он яркий представитель того поколения героев, которые бросали в борьбу личное бесстрашие свое, напряжение своего духа, высоту своего подвига. Таков был Каляев, таков был Сазонов»⁶⁶. Подобное свидетельство ветерана революционного движения имело особый вес для читателей, но вряд ли все руководители партии с ним согласились бы.

Тан, как и другие биографы Керенского, пишет о «пророчествах» своего героя и именует его «вождем»: «Он становится как бы духовным центром России, ее ответственным вождем». Автор также повторяет мотив особого взгляда Керенского: «В этих широко открытых глазах таится что-то львиное»⁶⁷.

После Июльского кризиса, когда Керенский возглавил Временное правительство, некий прапорщик В. Высоцкий написал брошюру «Александр Керенский»; ее издала Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной думы. Большую часть продукции этого издательства составляли брошюры, которые в популярной форме знакомили читателей с различными явлениями общественной и политической жизни. Повествование о Керенском – единственное произведение биографического жанра в каталоге изданий Московской просветительной комиссии; это само по себе свидетельствует об общественном интересе к жизни министра. Высоцкий, подобно другим биографам Керенского, тоже широко цитировал его речи и приказы. В отличие от других авторов жизнеописаний министра, Высоцкий не затрагивал дореволюционный период. Свое повествование он начал с 27 февраля 1917 года и особое внимание уделил деятельности Керенского в качестве военного министра. Автор признает успехи «заклинателя разбушевавшейся солдатской стихии»: «И армия послушалась его, послушалась как своего вождя»⁶⁸.

Вместе с тем это была, пожалуй, единственная опубликованная в 1917 году биография министра, в которой содержалась и осторожная его критика: Высоцкий полагал, что не все преобразования в вооруженных силах были достаточно продуманы, порой же они были просто нереалистичны, а необходимость борьбы с большевизмом военный министр осознал слишком поздно. Однако автор поддержал политику Керенского и призывал своих читателей услышать голос неутомимого «собирателя русской земли». Этот образ «собирателя», заимствованный из традиционного патриотического дискурса, не был характерен для языка большинства социалистов, и вряд ли автор принадлежал к их числу. Очевидно, именно с Керенским Высоцкий связывал надежды на стабилизацию ситуации в стране. И, критикуя военного министра, главную ответственность за развал армии Высоцкий возлагал на «руководящие круги русской демократии», т. е. на лидеров умеренных социалистов, с их неумелыми и самоуверенными действиями⁶⁹. Подобная оценка ситуации могла восприниматься как призыв к министру дистанцироваться от руководящих центров меньшевиков и эсеров.

Подобно другим первым биографам политика, Высоцкий отмечает и крайнюю усталость «больного и изнуренного» Керенского, и воодушевление претендующего на искренность лидера, «великого энтузиаста» и «романтика», оказывающего «почти гипнотическое» воздействие на массы. Автор и этого текста неоднократно указывает на особые отношения вождя и народа, на эмоциональную связь министра и его аудитории: «...навстречу ему несутся взрывы

⁶⁵ Там же. С. 2, 4.

⁶⁶ Там же. С. 2. Подобно многим современникам, Тан именовал убийцу В. К. Плеве – Е. С. Созонова – Сазоновым.

⁶⁷ Там же. С. 3, 4.

⁶⁸ *Высоцкий В.* Александр Керенский. М., 1917. С. 21.

⁶⁹ *Высоцкий В.* Александр Керенский. С. 9–10, 31. Работу над текстом Высоцкий завершил, похоже, к началу августа.

того же вдохновенного восторга, того же ответного энтузиазма, которым охвачен и сам оратор...»; «Народ чувствует Керенского, и Керенский чувствует народ»; «Народ сам “творит Керенского”, сам создает вокруг него атмосферу безграничного доверия и любви, в которой каждое его слово может принимать какую-то библейскую мощь»⁷⁰. Причину же влияния Керенского, подобно некоторым другим его биографам, автор видит не только в искренности политика и его способности «гипнотически» воздействовать на слушателей, но и в настоятельной потребности «народа» иметь сильного властителя: «К тому же в нем самом [в народе] живет тоска по каким-то “Керенским”, по ком-то, кому он хочет поверить, отдать душу, за кем он хочет идти, кому в руки он хочет сам отдать власть, чтобы ей подчиниться»⁷¹. Такое понимание отношений, складывающихся между лидером и «народом», может быть созвучно тексту Леонидова, но оно уже совсем далеко от народнического канона прославления героев революционного движения в том его варианте, который развивался Кирьяковым.

Осенью того же года Лидия Марьяновна Арманд (урожденная Тумповская, 1887–1931) написала брошюру «Керенский»⁷². Это была последняя биография министра, выпущенная в 1917 году. Арманд принадлежала тогда к правому крылу партии социалистов-революционеров, у нее была репутация «бурнопламенного» оратора, а левые эсеры в мае именовали ее статьи «социал-шовинистическими» и «социал-патриотическими». Иными словами, политически она была близка к Керенскому⁷³. Можно предположить, что и упомянутое издание вышло при поддержке со стороны какой-либо организации правых эсеров⁷⁴.

Как и другие биографы Керенского, Арманд включила в текст биографии воспоминания о собственных встречах с товарищем по партии: «Я знала его еще львенком. В 1906 году в Петрограде встречалась с ним только по партийным делам»⁷⁵. Арманд кончила работать над брошюрой 15 сентября, и текст несет отпечаток этого времени. Защита своего вождя от усилившихся нападков «слева» и «справа» – главная задача автора: «Лев ранен... Он ранен клеветой и демагогией. И кто только не пытается теперь лягнуть его». При этом образ Керенского, жертвующего собой ради революции, сакрализуется, автор даже сравнивает политика с Христом: «Быть может он уже на верхней ступени своей алой Голгофы... Придет время, и толпа будет требовать памятников Керенскому. Она сложит про него легенды. Она будет петь о нем песни. Теперь она во власти “первосвященников”... “Распни его!”»⁷⁶

Арманд пылко защищает своего политического избранника от нападков противников, в том числе и от его оппонентов в рядах партии эсеров, которые, по ее мнению, нанесли министру «самый нестерпимый удар». Если другие биографы стремились умножить славу Керенского и придать ей должное политическое оформление, то Арманд прежде всего дает отпор тем, кто ставил под сомнение его авторитет лидера. Она не отрицает ошибок министра, но обосновывает его право их совершать: «А ошибок у Керенского много... Как не быть ошибкам у того, кто знает одно правило поведения: занимать самое трудное место, трудное и внешне, и внутренне?» Вновь возвращается она к этой теме в конце брошюры: «Как не быть большим

⁷⁰ Там же. С. 7, 11, 18, 19, 20.

⁷¹ Там же. С. 19–20.

⁷² Арманд опубликовала ряд брошюр, посвященных педагогике, культурной работе, выступала и как писательница. Но главной ее темой была организация кооперативов и их культурно-просветительная работа, особенно активно Лидия Марьяновна сотрудничала с Московским союзом потребительских обществ. После 1917 года она организовала теософскую школу-коммуны.

⁷³ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. / Сост. Н. Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3. Ч. 1: Февраль – октябрь 1917 г. С. 331, 333, 724.

⁷⁴ Брошюра Арманд, имевшая партийный эсеровский лозунг «В борьбе обретишь ты право свое», была опубликована в типографии петроградского акционерного общества «Копейка». Однако марки этого издательства на брошюре не имеется. Можно предположить, что брошюра была напечатана в этой типографии по заказу какой-либо партийной группы.

⁷⁵ Арманд Л. М. Керенский. Пг., 1917. С. 4.

⁷⁶ Там же. С. 3, 15.

ошибкам у большого человека, который со страстью отчаяния влюблен в обреченную родину и который бесконечно одинок?»⁷⁷

Портретная зарисовка министра, сделанная Арманд, также должна подтвердить его репутацию пламенного революционера: «Он кипел на работе, он появлялся всюду, где нужно было уладить, успокоить, умиротворить. Бледный, радостно-напряженный, он часто изнемогал от утомления и страстного волнения, и не раз его речь заканчивалась обмороком. Он горит огнем, который светит»⁷⁸.

Как видим, среди первых биографов Керенского были талантливые авторы; имена некоторых из них хорошо известны историкам литературы и науки. Арманд, Кирьяков, Леонидов, Тан сами знали Керенского, в биографические очерки они включали фрагменты воспоминаний, приводили слова министра, высказанные в личных беседах. Иногда авторы жизнеописаний лидера цитировали документы, опубликованные и неопубликованные, в том числе материалы, извлеченные из полицейских архивов (Кирьяков, Леонидов). Большинство авторов использовали прессу революционной поры. В качестве иллюстраций к некоторым текстам публиковались фотографии из личного семейного архива Керенского. Наверняка первоначально согласие на это было получено у родных министра, а скорее всего, и у него самого. Некоторые биографы Керенского явно пользовались его доверием и поддержкой.

Большая часть указанных текстов была создана в мае – июне 1917 года, в то время когда Керенский, став военным и морским министром, готовил наступление русской армии. Как мы увидим далее, именно в этот период складывались важнейшие элементы политического культа революционного вождя, и популярные биографии Керенского отражали данный процесс.

Особую активность в создании биографий лидера проявили неонародники – трудовики и, более всего, правые эсеры. В текстах Кирьякова и Арманд нашли отражение внутривнутрипартийные конфликты, в них содержалась критика левых эсеров и даже некоторых «центристов» – тех, которые осуждали Керенского.

В то же время Леонидов и Высоцкий изображают героя своего повествования надпартийным общенациональным лидером, и это влияет на стиль их сочинений.

Биографии Керенского, выпущенные в 1917 году, эмоционально насыщены. Авторы стремились не только обеспечить политическую поддержку лидеру, делая описания его жизни инструментом легитимации, – они желали передать своим читателям необходимую политическую эмоцию. Особенно сильно звучит в этих повествованиях тема влюбленности и любви, взаимной и сильной любви народа и народного вождя; влияние этого чувства, похоже, испытывали и некоторые первые биографы Керенского.

Не следует преувеличивать воздействие популярных биографий министра на общественное сознание той поры. Вместе с тем эти тексты представляют немалый интерес для понимания того, как сторонники и союзники Керенского выстраивали его образ. В биографиях нашли отражение некоторые важные особенности политической культуры эпохи революции; эти тексты представляют собой интересный источник для изучения попыток создания образа нового лидера новой страны, выработки новой риторики политической легитимации.

⁷⁷ Арманд Л. М. Керенский. С. 8, 13, 14.

⁷⁸ Там же. С. 8.

2. Юность вождя

Кирьяков саму дату рождения Керенского считал знаменательной. История революционного движения становилась фоном для описания детства будущего «борца за свободу»:

Первый вздох А. Ф. Керенского (он родился 22 апреля) почти совпал с последним вздохом великих борцов за свободу России – народовольцев Софии Перовской, Андрея Желябова, Тимофея Михайлова, Кибальчича и Рысакова, задушенных по приказанию Александра III на Семеновской площади.

Первые его детские движения, первый его детский лепет почти совпали с последним движением, последним лепетом испуганной России⁷⁹.

Место рождения Керенского, Симбирск, для Кирьякова также было значимым – оно влияло на выбор жизненного пути героя его повествования: «Волга несла ребенку не только “песни, подобные стону”, но и вольные песни о любимом народном герое Стеньке Разине, знаменитый утес которого находится как раз около Симбирска»⁸⁰. Читателю давалось понять, что Керенский с детства находился в поле влияния памяти о народных страданиях и великих восстаниях прошлого, укорененной в этих местах, и она уже тогда воздействовала на его мироощущение.

Биография, созданная Кирьяковым, соответствовала канону народнического описания жизни героя революции. Историю взаимной любви Керенского и России он описывал, придавая особое значение месту и времени рождения будущего вождя. Другие же авторы, напротив, не считали нужным много говорить о детстве и юности политика. «Личная жизнь А. Ф. Керенского, как жизнь многих великанов мысли и дела, бедна внешними событиями. Он как будто берег себя для огромного дела, чтобы сжечь всю свою энергию и силу потом, в огне всероссийского пожара. Его биография – биография обыкновенного русского интеллигента», – заявлял одесский жизнеописатель министра⁸¹. Однако обыкновенность раннего периода жизни Керенского тоже играет здесь пропагандистскую роль – служит для обоснования его особого авторитета: вождь, «великан мысли и дела», первоначально неотличим от других, он один из многих; тем самым подчеркивается его демократизм, его корневая связь с рядовой интеллигенцией, типичным представителем которой он, по мнению автора, является. Лишь в дни великих испытаний можно увидеть величие лидера, который набрал силы, проведя свое детство и юность в «обычной» и «простой» среде.

Кирьяков же, опираясь на свидетельство самого министра, сообщал: «Первые детские воспоминания А. Ф. Керенского – тогда еще шестилетнего ребенка – это, по его словам, смутные воспоминания о тихом ужасе, охватившем Симбирск, когда там узнали о казни сына местного директора народных училищ, студента Александра Ильича Ульянова (родного брата нашего “пломбированного” Н. Ленина) за участие его в попытке последних народовольцев казнить... царя Александра III...»⁸². (Нельзя тут не вспомнить стандартные советские жизнеописания Ленина, непременно упоминавшие о судьбе Александра Ульянова как о решающем моменте, определившем дальнейшую жизнь вождя.)

⁷⁹ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287; В-й В. [Кирьяков В. В.] А. Ф. Керенский. С. 4.

⁸⁰ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287.

⁸¹ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 4.

⁸² В-й В. [Кирьяков В. В.] А. Ф. Керенский. С. 4. Об этих детских впечатлениях Керенский писал впоследствии и в своих воспоминаниях: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 4. Н. Ленин – псевдоним В. И. Ульянова.

Не все биографы Керенского упоминали о его родителях. В некоторых текстах сообщалось, что его отец в момент рождения Александра был директором гимназии в Симбирске⁸³. Богораз-Тан не вполне точно писал: «Отец его... был учителем русского языка в Симбирске, впоследствии директором гимназии в Казани»⁸⁴.

При этом никто из биографов Керенского во время революции не указывал, что в 1887 году Ф. М. Керенский получил «генеральский» чин действительного статского советника, а через два года был назначен на должность главного инспектора училищ Туркестанского края. Иными словами, отец будущего министра сделал довольно удачную административную карьеру в Министерстве народного просвещения, что было не слишком полезно для создания революционной биографии Керенского-младшего⁸⁵. (Это также напоминает канонические советские биографии Ленина, в которых делался акцент на «демократическом происхождении» вождя, но не говорилось о чине действительного статского советника, присвоенном И. Н. Ульянову⁸⁶.)

В биографиях Керенского, изданных в 1917 году, не писали и о его предках по отцовской линии. Подобно многим другим русским интеллигентам, министр происходил из семьи священников. Можно предположить, что такая родословная не была во время революции особенно полезна для укрепления авторитета политика. Никто из биографов Керенского в 1917 году не упоминал о матери Александра Федоровича – Надежде Александровне (урожденной Адлер), отец которой, офицер российской армии, возглавлял топографическую службу Казанского военного округа⁸⁷. Между тем происхождение матери министра было тогда предметом частных разговоров: одни считали ее немкой, а другие – еврейкой⁸⁸. (Слухи о еврейских корнях Керенского фиксировали в 1917 году, не позже июня, и русские периодические издания⁸⁹.) Иностранная фамилия матери и служебное положение деда с материнской стороны не считались факторами, способствовавшими укреплению репутации вождя Российской революции, поэтому, наверное, первые биографы Керенского о них и умалчивали.

В некоторых биографических очерках приводились фотографии Керенского-гимназиста⁹⁰. Наверняка они были переданы издателям либо самим министром, либо его семьей. Тан, явно общавшийся с родными министра или с ним самим, указывал на школьные успехи будущего вождя: «А. Ф. Керенский обнаружил с детства исключительные способности. Он учился в Ташкенте, окончил гимназию первым, с золотой медалью» (и тут вновь нельзя не вспомнить советские биографии Ленина). Школьные успехи указывали на необычайную одаренность лидера, проявлявшуюся еще в детстве и юности, – полезный факт для укрепления его политического авторитета. Отмечал Тан и артистизм будущего лидера: «С ранней юности он проявлял черты духовного кипения, чувствовал влечение к музыке, к искусству, выступал артистом в “Ревизоре” и с успехом играл заглавную роль»⁹¹.

⁸³ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. С. 3.

⁸⁴ Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции. С. 2; В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 4–5.

⁸⁵ Автобиографии Ф. М. Керенского хранятся в разных архивах: Российский государственный исторический архив [далее – РГИА]. Ф. 733. Оп. 225. Д. 203. Л. 19–22 об.; Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 274. Оп. 1. Д. 398. Л. 145.

⁸⁶ В некоторых биографиях, впрочем, сообщалось (ошибочно), что Ф. М. Керенский был попечителем учебного округа, а эта должность предполагала и высокое звание, которым в действительности отец будущего министра обладал. См.: В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 5.

⁸⁷ Вместе с тем в некоторых брошюрах и журналах печатались фотографии, изображавшие Керенского-ребенка с матерью: Солнце России. 1917. № 368 (10). С. 3; В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 4.

⁸⁸ Еврейкой считали ее иностранные дипломаты. См.: Buchanan G. My Mission to Russia. Vol. 2. P. 64.

⁸⁹ Об отношении антисемитов к Керенскому см.: Колоницкий Б. И. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей». Р. 241–253.

⁹⁰ Солнце России. 1917. № 368 (10). С. 4; В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 9.

⁹¹ Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции. С. 2.

Артистизм, как мы увидим далее, был в первые месяцы революции важен и для политических действий Керенского, и для его репрезентации. И все же об исполнении Керенским роли Хлестакова его биографы, как правило, благоразумно умалчивали: известные качества персонажа легко могли быть перенесены и на того исполнителя, который необычайно хорошо играл эту роль. Впоследствии, в период неудач главы Временного правительства, а затем и в эмиграции, его открыто сравнивали с героем Гоголя. Правая бульварная «Народная газета» А. А. Суворина, которая стала выходить после того, как Временное правительство закрыло ее предшественницу – «Маленькую газету», в середине июля 1917 года перепечатала заметку из немецкого периодического издания «Фоссише цайтунг»; это явно была попытка дискредитации политика. Автором текста был Фридрих Дюкмайер, немецкий учитель, преподававший в свое время в ташкентской гимназии. У него учился и юный Саша Керенский, которого Дюкмайер вспомнил в 1917 году. В заметке напоминалось о немецком происхождении Н. А. Адлера и о деде политика, которого автор даже именовал генералом. Гимназист Керенский вспоминался своему учителю тем, что «одевался с некоторой склонностью к франтовству», увлекался более всего светской жизнью, танцами, театральными постановками. Автору особенно запомнился Керенский в роли Хлестакова, «казалось бы, написанной исключительно для него». Наконец, отмечалось, что «и тогда уже» в нем поражала его бледность⁹². Болезненность министра, о которой, как мы увидим далее, много рассуждали, в этом рассказе представлялась чуть ли не врожденной.

По мнению Кирьякова, со времен обучения в гимназии Керенский определил свой политический выбор. Он якобы уже тогда решил посвятить свою жизнь освобождению народа:

Из всего прочитанного, слышанного и виденного живое воображение Саши Керенского творчески воссоздало всю вековую картину подневольной жизни всего русского народа – трудового, незлобивого, всевыносящего, всепрощающего, многострадального русского народа. И он полюбил его – этот трудовой русский народ – всем пылом молодой, юношеской любви, проникся глубоким уважением к первым борцам за свободу и счастье народа. Едва ли можно сомневаться, что первые герои, которым захотел подражать Саша Керенский, были борцы героической «Народной воли»,

писал автор, используя стиль прославления народниками своих кумиров. Даже место обучения будущего лидера представлялось фактором, революционизирующим юного гимназиста: «Ташкент – ворота Сибири. Стоны политических борцов за свободу России, томившихся в то время на каторге и в ссылке, были там ближе, сильнее»⁹³. Кирьяков явно преувеличил революционность своего героя в школьные годы. Сам Керенский не упоминает в мемуарах ни о своих радикальных взглядах в то время, ни о чтении памфлетов, посвященных народовольцам. Напротив, в своих воспоминаниях он вовсе не описывает собственную гимназическую жизнь в стиле народнических агиографий: «Ни я, ни один из моих одноклассников не имели ни малейшего представления о проблемах, которые волновали молодых людей наших лет в других частях России, толкнувших многих из них еще в школьные годы к участию в нелегальных кружках»⁹⁴. Кирьяков явно преувеличил радикализм Керенского-школьника, но именно так, по мнению народника, должно было протекать детство настоящего «борца за свободу», таков был канон жизнеописания «вождя народа», и традиция революционного подполья побуждала сторонников министра сочинять такую биографию, которая подкрепляла бы авторитет политического лидера.

⁹² Народная газета. 1917. 15 июля.

⁹³ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 288.

⁹⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 13.

Годы обучения Керенского в Санкт-Петербургском университете (1899–1904), сначала на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете, были важны для жизнеописаний вождя, потому что в это время он «выработал свое мирозерцание, стройную систему мышления, которая и вывела его на путь чести, славы и спасения России», как отмечал одесский биограф министра⁹⁵. Упоминание об осознанном образовании и самообразовании будущего политика не было случайным: «стройное мировоззрение», сознательно выработанное в результате самостоятельного овладения знаниями как в университете, так и за его пределами, являлось важной квалификационной характеристикой будущего радикального лидера.

Некоторые биографы Керенского упоминали о семейном положении министра, женившегося в 1904 году на Ольге Львовне Барановской⁹⁶. Иногда текст сопровождался фотографиями, запечатлевшими супругу Керенского с сыновьями, Олегом и Глебом, иногда – самого министра со своими детьми⁹⁷. Предполагалось, что и семейная жизнь вождя представляет общественный интерес. Наверняка в этих случаях семья Керенских также оказывала содействие авторам биографических очерков.

Авторы некоторых жизнеописаний министра явно преувеличивали политический радикализм студента Керенского и его близость к партии социалистов-революционеров: «Любовь к народу, обездоленному трудовому народу, все росла и ширилась в честной груди Керенского. Любовь эта и толкнула его к партии, наиболее близкой к народу, к крестьянству и к рабочим, к партии, написавшей на своем знамени: “Земля и воля всему трудовому народу. В борьбе обрешь ты право свое”, – к партии социалистов-революционеров», – писал Кирьяков, делая биографию своего героя все более партийной, более эсеровской⁹⁸. В действительности же оппозиционность студента не получила в то время какого-то партийного оформления.

После окончания университета Керенский мечтал войти в группу «политических адвокатов», юристов, защищавших лиц, обвиняемых в совершении политических преступлений. Стать членом этого объединения было сложно: туда принимали лишь лиц, имевших определенную и устоявшуюся политическую репутацию, пользовавшихся особым доверием в радикальных кругах. К Керенскому же, выходцу из среды «бюрократии», сыну довольно видного чиновника Министерства народного просвещения, имевшего связи в столице, отношение этой среды поначалу было настороженным. Он даже испытал известные трудности при вхождении в корпорацию адвокатов, в которой господствовали либеральные и радикальные взгляды. В 1917 году биографы Керенского об этой его первоначальной неудаче не писали.

Керенский стал помощником присяжного поверенного. Молодой юрист, мечтавший о карьере «политического защитника», занимался организацией бесплатной правовой помощи бедным слоям Петербурга. Как и многие современники, он был потрясен событиями 9 января 1905 года, непосредственным свидетелем которых ему довелось стать. Керенский посещал родственников погибших демонстрантов, оказывая им юридическую помощь, подписал протест против ареста группы известных интеллигентов, пытавшихся предотвратить трагедию, и в связи с этим привлек внимание секретной полиции – на него было заведено особое досье. Издания 1917 года сообщали об этом читателям: внимание Охранного отделения к молодому юристу, засвидетельствованное документальной публикацией, подтверждало давнюю революционную репутацию министра⁹⁹.

⁹⁵ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 5.

⁹⁶ Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции. С. 2; Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 288.

⁹⁷ Солнце России. 1917. № 368 (10). С. 4. В 1917 году мальчикам исполнилось соответственно двенадцать и девять лет.

⁹⁸ Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 288. О том, что Керенский стал эсером еще в студенческие годы, писал и другой автор: В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 5.

⁹⁹ Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 5; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 32–34.

Его одесский биограф писал: «Примыкая к партии эсеров, Керенский вместе с ней перенес все невзгоды “пятого года”. Несмотря на строгую конспирацию, несмотря на то, что партия берегла Александра Федоровича, чуя в нем незаурядную силу, он был арестован и посажен в тюрьму»¹⁰⁰. Биограф существенно преувеличивал влияние Керенского в среде социалистов-революционеров, к которым тот в действительности скорее именно «примыкал», нежели принадлежал. Лидерам же партии молодой помощник присяжного поверенного вряд ли был в то время известен.

В мае 1917 года Керенский обозначал свою тогдашнюю позицию как радикальную: «... после 1905 года, при наступившем всеобщем утомлении, я был в числе тех, кто требовал наступления на старый режим»¹⁰¹. Напоминание о том времени, когда он требовал активизации действий против режима, могло обосновать его право настаивать на том, чтобы солдаты сдерживали собственные требования: для Керенского, занявшего пост военного министра, это являлось важной задачей.

23 декабря 1905 года молодой юрист был арестован – его обвинили в подготовке вооруженного восстания и в принадлежности к организации, добивавшейся свержения существующего строя. Однако 5 апреля 1906 года он был освобожден под особый надзор полиции, с запрещением проживать в столицах. Молодой юрист вновь отправился в Ташкент, где еще служил его отец. Вскоре с помощью своих родных и влиятельных друзей семьи он добился отмены этого распоряжения и возвратился в Санкт-Петербург уже в сентябре того же года¹⁰².

Авторы жизнеописаний революционного министра не сообщали, что избежать ссылки ему помогли связи в «бюрократической среде», – они находили иные объяснения: «Тяжелых улик, однако, не оказалось, и будущий министр юстиции России был выпущен из русской тюрьмы», – повествовал одесский биограф¹⁰³. Не писали они в 1917 году и о возвращении Керенского в Петербург: факт смягчения наказания не способствовал укреплению революционной репутации.

Упоминание же об аресте, напротив, было крайне важно. Так, вскоре после назначения Керенского на должность военного министра главная газета этого ведомства писала: «Несколько раз еще до своей политической работы как члена Государственной думы А. Ф. Керенский был арестован старой властью за принадлежность к крайним левым течениям»¹⁰⁴. В специфических условиях того времени факт пребывания в тюрьме во времена «старого режима» мог рассматриваться как источник авторитета, даже как важное квалификационное требование для занятия подобного поста. Об аресте писали и биографы министра (Кирияков, одесский автор), а Леонидов констатировал, явно преувеличивая тюремный стаж вождя: «И если когда-нибудь отдыхал Керенский, то только... в тюрьме»¹⁰⁵.

Арест был важен для политической карьеры, но не меньшее значение имело и возвращение в Санкт-Петербург: в провинциальной среде жизненная траектория Керенского была бы совершенно иной. Молодой юрист, вновь оказавшись в столице, опять занялся политической деятельностью, масштабы которой некоторые биографы преувеличивали. К примеру, одесский автор так описывал его роль в организации выборов во II Государственную думу: «Для подготовки к выборам была создана в Петербурге особая организация социалистов-революционеров, душой которой стал А. Ф. Керенский. Его самого партия по тактическим соображениям

¹⁰⁰ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 5.

¹⁰¹ Единство. 1917. 6 мая.

¹⁰² Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 5–6; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 41–50; *Kerensky A.* The Crucifixion of Liberty. P. 114–119; *Abraham R.* Alexander Kerensky. P. 21–35.

¹⁰³ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 5.

¹⁰⁴ Новый военный и морской министр // Русский инвалид. 1917. 5 мая.

¹⁰⁵ *Леонидов О.* Вождь свободы А. Ф. Керенский. С. 8.

не выдвигала в депутаты»¹⁰⁶. Вернее было бы утверждать, что руководство эсеров не считало молодого юриста подходящим кандидатом.

Этот эпизод жизни Керенского вспоминал и Кирьяков, но излагал его иначе:

Это было в «Земле и воле» – петербургской интеллигентской организации по подготовке выборов во 2-ю Государственную Думу – в конце лета 1906 года.

Сразу же он привлек к себе все сердца и не раз удивлял той практической государственной сметкой, которой очень недоставало старым партийным работникам, принужденным до 1905 г. или ютиться в подполье, или проживать большую часть времени за границей¹⁰⁷.

В описании Кирьякова Керенский предстает не видным деятелем социалистов-революционеров – каковым он в то время и не был, – а членом радикального непартийного объединения интеллигенции. Интересно, что молодой юрист изображается как представитель нового поколения, идущего на смену старым ветеранам освободительного движения, поколения более практичного, государственно мыслящего. Подобная прагматичность государственника, проявленная еще в молодые годы, обосновывала статус лидера в эпоху новой революции, когда от политиков, входящих во власть, требовались такие навыки и такое видение ситуации, которыми не обладали радикальные деятели предшествующего поколения. Кирьяков, принадлежавший к правому крылу социалистов-революционеров, явно противопоставлял Керенского В. М. Чернову и другим лидерам партии эсеров, занимавшим центристские позиции.

В результате ареста и последующей политической деятельности репутация Керенского в кругах радикальной интеллигенции была упрочена. В октябре 1906 года Н. Д. Соколов, социал-демократ и видный «политический адвокат», предложил Керенскому срочно выехать в Ревель, чтобы защищать в суде эстонских крестьян, участвовавших в разгромах имений остзейских баронов. Керенский немедленно направился в столицу Эстляндии. Защиту он повел удачно: большая часть подсудимых не понесла наказания, они были освобождены в зале суда¹⁰⁸.

Одесский биограф Керенского описывал этот поворот его карьеры так: «В эту темную и глухую ночь реакции принес гонимым братьям свою любовь и труд А. Ф. Керенский. Он оставил свою практику молодого, талантливого адвоката и всецело отдался политическим процессам. Редкий из них обходился без Керенского в качестве защитника»¹⁰⁹. У читателя создавался образ популярного и высокооплачиваемого столичного юриста, который по принципиальным соображениям отказывался от выгодной карьеры, приносящей ему значительный доход. Это не соответствовало действительности, хотя на профессиональный выбор, сделанный помощником присяжного поверенного, и в самом деле влияли идейные мотивы. О тяготах Керенского писал и Тан, преувеличивая их, по-видимому: «Он получал от своего патрона 25 рублей в месяц, долгое время терпел нужду и вместе с семьей обитал на чердачном этаже»¹¹⁰. Как мы увидим далее, образ аскета, посвятившего всего себя борьбе за свободу, был весьма важен для репрезентации «вождя революции».

После процесса в Ревеле Керенский стал полноправным «политическим защитником». Этот этап его биографии считали нужным вспомнить почти все авторы его жизнеописаний: «... был известен как выдающийся защитник по политическим делам». И сам министр, обосновывая свой авторитет, вспоминал и собственное пребывание в тюрьме, и защиту обвиняемых в

¹⁰⁶ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 6.

¹⁰⁷ Кирьяков В. В. Керенский как оратор // Речи А. Ф. Керенского о революции. С. 7.

¹⁰⁸ Abraham R. Alexander Kerensky. P. 39–40; Kerensky A. The Crucifixion of Liberty. P. 121; *Idem*. Russia and History's Turning Point. P. 74–75.

¹⁰⁹ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 7. См. также: Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 289.

¹¹⁰ Тан. А. Ф. Керенский. Любовь русской революции. С. 2.

государственных преступлениях. Во время весьма важного выступления 26 марта перед солдатскими депутатами в Петроградском Совете, он заявил: «... мне пришлось долго находиться в застенках русского правосудия[,] и через мои руки прошли многие борцы за свободу»¹¹¹.

¹¹¹ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. С. 3, 9.

3. «Народный трибун»

Специализация «политического защитника» не приносила значительных гонораров, но обеспечивала известность в радикальной среде. Такая карьера требовала следования неписаному, но жесткому коду поведения, хорошо известному юристам и обвиняемым. Перед «политическими защитниками» возникало немало этических и профессиональных проблем: им следовало добиваться оправдания обвиняемого и в то же время защищать его политические взгляды. Решать одновременно эти задачи было сложно, порой невозможно. Для кадета В. А. Маклакова, одного из наиболее известных адвокатов, главным приоритетом была юридическая защита клиента: «Если он [адвокат. – Б. К.] не должен задевать и оскорблять политических взглядов своего подзащитного, если он не может, не унижая себя, лицемерно от них отмежеваться, поскольку с ними согласен, то он все-таки должен с уважением относиться к обязанности судей существующий закон соблюдать и защищать. Нельзя смешивать задачи политического деятеля и защитника», – вспоминал он¹¹².

Однако многие адвокаты воспринимались обществом как политики и вели себя соответствующим образом. Роль «народного трибуна», обвиняющего режим и его «слуг», брал на себя и Керенский. Каждый процесс был для него полем новой битвы с ненавистной властью, которую олицетворяло государственное обвинение. Именно так описывал роль будущего министра Леонидов: «Меньше всего А. Ф. Керенский был профессиональным адвокатом, отдающим свое время и силы отдельным личностям, защите их эгоистических интересов и прав. Он всегда тяготел к интересам бесправных общественных классов, он всегда вел борьбу за их право на жизнь и точно старался довести их до того светлого времени, когда и они будут утверждены в полноправии»¹¹³. Схожим образом писал о Керенском и его одесский биограф:

Надо ли говорить о том, что его роль в этих процессах была тяжелой, подчас трагической. Приходилось выступать перед судьями, заранее предрешившими исход процесса; перед судьями, глухими к логике сердца, логике и даже правосудия; перед судьями, делавшими себе на суровых приговорах карьеру. Защитники подсудимых находились при этих условиях в положении людей, принужденных прошибать лбом каменную стену. Керенский переживал это положение особенно остро, ибо на скамье подсудимых сидели люди, бывшие не только его подзащитными: там сидели его партийные соратники, боевые товарищи, иногда личные друзья. Керенский боролся за них до последней возможности, с отчаянием одного против всех, без надежды на торжество правды и справедливости¹¹⁴.

Это описание соответствовало духу обличения судебной системы «старого режима», присутствовавшему и в речах Керенского в 1917 году. Однако реальность дореволюционной судебной системы здесь была искажена: среди судей и прокуроров империи имелось немало высокопрофессиональных юристов, корректно исполнявших свои служебные обязанности. И впоследствии, став министром юстиции, Керенский фактически признал добросовестность некоторых бывших оппонентов, выдвигая их на высокие должности.

¹¹² Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 266. Й. Баберовски полагает, что все «политические адвокаты» использовали суд для политической проповеди, не исключая и Маклакова. См.: *Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914.* Frankfurt am Main, 1996. S. 577–578.

¹¹³ Леонидов О. Вождь свободы А. Ф. Керенский. С. 10–11.

¹¹⁴ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 7.

Будущему министру юстиции довелось в качестве защитника участвовать в громких процессах. Широкую известность получило дело так называемой Тукумской республики, в ходе которого он защищал латышских повстанцев. Вел Керенский и дело трудовиков, подписавших Выборгское воззвание; участвовал в процессах руководителей Всероссийского крестьянского союза, Санкт-Петербургской военной организации социал-демократов, Союза учителей Санкт-Петербургской губернии, Крестьянского братства Тверской губернии, Северного летучего отряда Боевой организации эсеров. Среди клиентов Керенского были и большевики: он защищал боевиков, участвовавших в экспроприации Миасского казначейства. Об этих процессах вспоминали биографы министра в 1917 году. Перечень даже части дел, которые ему приходилось вести, свидетельствует о востребованности и профессионализме молодого юриста. Керенский стал полноправным членом корпорации адвокатов: в 1909 году Совет присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты принял его в число присяжных поверенных.

Особое значение для карьеры Керенского имел процесс армянской социалистической партии «Дашнакцутюн» в 1912 году. Перед судом тогда предстала элита армянской интеллигенции. Керенскому удалось доказать ложность свидетельских показаний, представленных обвинением. Это была убедительная победа защиты, а один из следователей даже получил официальное обвинение в лжесвидетельстве и подлоге (власти объявили его психически больным, чтобы спасти от ответственности). Из 145 обвиняемых 95 были оправданы¹¹⁵.

Именно этот процесс нередко вспоминали биографы Керенского. Леонидов рассматривал результаты процесса как политическую победу защиты: Керенскому якобы удалось убедительно доказать, что болен и невменяем не следователь, но судебная система, созданная министром юстиции И. Г. Щегловитовым (последний олицетворял для многих оппозиционеров, прежде всего для радикальных адвокатов, ненавистный режим)¹¹⁶. Одесский же биограф Керенского и этот процесс описывал как трагический поединок честного защитника-идеалиста со всемогущей системой, поединок, результат которого якобы уже заранее был определен:

...Керенскому приходилось бороться с той же каменной стеной. Председатель суда не давал ему говорить, обрывал его на полуслове, когда разоблачение становилось слишком серьезным; грозил ежеминутно вывести его из зала; делал резкие замечания во время хода процесса. Перед потрясенным залом проходила картина героической борьбы безоружного с вооруженным, борьбы права с силой, борьбы с – увы! – предрешенным результатом¹¹⁷.

Подобный стиль жизнеописания «политического адвоката» противоречил фактической истории процесса, однако соответствовал общему революционному пафосу обличения «старого режима», который был присущ и выступлениям самого Керенского. Образ мужественного и бескомпромиссного борца с безжалостной системой способствовал в то время укреплению авторитета политика.

Порой роль «народного трибуна», взятая на себя молодым юристом, сказывалась на судьбе его подзащитных. Коллеги Керенского, по словам Л. Арманд, предупреждали: «Если вы хотите, чтобы он защитил революцию, то он это сделает блестяще. Но если вам надо защитить подсудимого, то зовите другого, ибо в Керенском революционер всегда берет верх над адвокатом. Военные судьи его ненавидят»¹¹⁸. Свидетельство это весьма правдоподобно, хотя, как мы видели, в суде Керенский порой добивался успехов. Интересно, однако, что в 1917 году

¹¹⁵ Kerensky A. Russia and History's Turning Point. P. 76–80.

¹¹⁶ Леонидов О. Вождь свободы А. Ф. Керенский. С. 11–12.

¹¹⁷ В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр. С. 7–8.

¹¹⁸ Арманд Л. Керенский. С. 3.

Арманд, горячая сторонница министра, и другие его биографы были уверены, что их читатели с одобрением встретят такую характеристику «политического защитника», защищающего не своего клиента, а революцию. В той ситуации именно такой образ – пламенного адвоката-революционера – служил для укрепления авторитета политика.

Впрочем, некоторым обвиняемым как раз и требовался адвокат-единомышленник, и они охотно обращались к нему; репутация Керенского делала его авторитетным юристом для революционных активистов. Так, известная впоследствии большевичка, Е. Б. Бош, арестованная в 1912 году, желала, чтобы ее на суде защищал именно адвокат-революционер. Ее мать писала Керенскому: «Она не хочет иметь защитником человека, к которому не могла бы отнестись с полным доверием и уважением к прежней его деятельности, и очень и очень просит Вас защищать ее»¹¹⁹. Разумеется, не только большевики, но и другие революционеры обращались за юридической помощью к радикальному адвокату, сочувствующему их взглядам.

Политические процессы широко освещались в прессе, известность Керенского и его влияние в радикальных кругах возрастали. Даже в августе 1917 года противник главы Временного правительства, Г. К. Орджоникидзе вспоминал «того Керенского», «который когда-то, выступая в качестве защитника, к своим горячим речам заставлял прислушиваться всю Россию...». Видный большевик противопоставлял бывшему радикалу-адвокату, пользовавшемуся доверием революционеров, другого Керенского, Керенского-министра¹²⁰. В свое время известный «политический защитник» пользовался симпатиями и левых социал-демократов, ставших потом его политическими врагами, но показательное то, что, когда большевики уже атаковали главу Временного правительства, эта часть его жизни не была забыта и политические оппоненты министра иногда публично вспоминали о его прошлом с уважением.

Общероссийской известности молодого юриста способствовали и события на Ленских золотых приисках, упоминаемые в 1917 году почти всеми его биографами¹²¹. В апреле 1912 года войска и полиция открыли огонь по забастовщикам, в результате 250 человек погибло. Общественное мнение было возмущено, для проведения расследования была послана правительственная комиссия. Однако думская оппозиция настояла на создании особой комиссии, независимой от каких-либо ведомств, деньги для ее организации были собраны по подписке. В состав комиссии было включено несколько юристов из Москвы и Петербурга, возглавил ее Керенский. Адвокаты участвовали в переговорах между администрацией приисков и рабочими, оказывая последним юридическую помощь при заключении нового соглашения с компанией¹²². Арманд утверждала, что товарищи по комиссии так характеризовали будущего министра: «Это чудесный юноша, но уж очень горяч. При таком пламенном негодовании трудно быть следователем»¹²³. И эта оценка также не рассматривалась автором как негативная; можно предположить, что и многие читатели воспринимали ее во время революции положительно: радикально мыслящая часть общества с сочувствием относилась к пылким обличениям всех возможных виновников происшествия, даже если их виновность и не была должным образом доказана. Такой образ «горячего» и «пламенного» народного трибуна, обличающего режим, в глазах многих способствовал укреплению авторитета политика – и до революции, и, в еще большей степени, после переворота.

Подобное свидетельство также содействовало утверждению революционной репутации политика, порой же его роль в расследовании Ленских событий явно преувеличивалась: «...

¹¹⁹ Государственный архив Российской Федерации [далее – ГАРФ]. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 242. Л. 42–43; Д. 244. Л. 4–5.

¹²⁰ Шестой съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 30.

¹²¹ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. С. 3.

¹²² Abraham R. Alexander Kerensky. P. 55–56; Kerensky A. Russia and History's Turning Point. P. 81–83.

¹²³ Арманд Л. Керенский. С. 3–4.

Керенский заставил власть расписаться в содеянном ужасе, и перед той правдой, которая была сказана Керенским, преклонились самые верные слуги павшего режима», – писал Леонидов¹²⁴.

Эти публичные выступления сделали молодого адвоката настоящим любимцем «общественности», и на него обратили внимание лидеры группы трудовиков. Некоторые из них были ранее клиентами Керенского – он вел их защиту на процессе Всероссийского крестьянского союза. Еще осенью 1910 года видные трудовики предложили популярному радикальному юристу баллотироваться в Государственную думу по списку группы. Несмотря на свои связи с социалистами-революционерами, Керенский принял это предложение. Он был избран выборщиком от второй городской курии Вольска (Саратовская губерния), имевшего репутацию «радикального» города¹²⁵. Обстоятельства избрания в Думу эсера Керенского в качестве представителя более умеренной политической группы создавали в 1917 году для биографов Керенского некоторые проблемы. Кирьяков, желая сделать акцент на связях вождя с социалистами-революционерами, подчеркивал вынужденный характер этого маневра: «Приходилось законспирироваться, окраситься снаружи в защитный цвет»¹²⁶. Биографы стремились показать, что и в качестве депутата Государственной думы Керенский продолжал быть настоящим радикалом: «В своих речах по аграрному, рабочему, бюджетному и другим вопросам всегда стоял на страже интересов демократии, открыто заявлял себя социалистом»¹²⁷.

Статус члена Думы укреплял авторитет Керенского в радикальных кругах и открывал новые возможности для его политической деятельности. Трудно предположить, что молодой политик сыграл бы такую роль в Февральской революции, не будь он депутатом. Однако уже через несколько месяцев после свержения монархии можно было заметить, что «цензовая» Дума становится все менее популярной в глазах политизирующихся и радикализирующихся масс. И некоторые биографы Керенского предпочли описывать «парламентский» период его деятельности как вынужденный и даже мучительный: «...связанность думской работы, необходимость постоянного общения с буржуазными партиями томила и раздражала его». Подчеркивалось, что его речи, которые «резко и смело» звучали в стенах Таврического дворца, встречали «враждебное отношение со стороны громадного большинства цензовой Думы», но зато находили «горячий отклик в рядах демократии»¹²⁸. Одесский биограф Керенского выделял его уникальное положение в Думе, противопоставляя радикального политика другим депутатам:

...он сделался совестью четвертой Думы, одной из немногих ее светлых фигур. В моменты, когда недоношенный русский парламент бывал подавлен презрением и надменностью министерской логи, когда царские холопы с трибуны Государственной Думы бросали народным представителям оскорбительные пощечины, вроде знаменитого «так было, так будет», – один только голос звучал неизменно твердо, непрерывно смело и уверенно. Это был голос А. Ф. Керенского. <...> Пять лет борьбы Керенского за волю и правду – одни могут оправдать пять лет безволия и бесправия четвертой Государственной Думы¹²⁹.

¹²⁴ Леонидов О. Вождь свободы А. Ф. Керенский. С. 14.

¹²⁵ Ради этого Керенский «приобрел» в городе небольшой дом (в действительности сделка была фиктивной, хотя В. Кирьяков утверждал, что выборы были «строго законными»). Затем на губернском избирательном собрании новый «домовладелец города Вольска» – так Керенский написал в думской анкете – получил место депутата от Саратовской губернии. См.: *Abraham R. Alexander Kerensky*. P. 56–57; *Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива*. 1917. № 19. С. 289; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 341. Л. 1. Наиболее обстоятельный очерк деятельности А. Ф. Керенского в Думе составил С. В. Тютюкин. См.: *Тютюкин С. В. Александр Керенский*. С. 38–106.

¹²⁶ *Кирьяков В. В. А. Ф. Керенский // Нива*. 1917. № 19. С. 289; *В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр*. С. 8.

¹²⁷ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. С. 3.

¹²⁸ *Арманд Л. Керенский*. С. 5; Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 3.

¹²⁹ *В-ч Е. А. Ф. Керенский народный министр*. С. 8–9, 10. «Так было, так и будет!» – слова министра внутренних дел

Члены Временного правительства и Исполкома Петроградского Совета, которые были депутатами Государственной думы, – меньшевики, трудовики, прогрессисты, кадеты – вряд ли согласились бы с такой оценкой, да и внимательный читатель думских отчетов – тоже. Однако некоторые политизирующиеся читатели эпохи революции могли поверить, что «только Керенский», популярнейший лидер Февраля, был настоящим народным представителем в «цензурной» и «буржуазной» Думе.

Сам Керенский во время революции описывал свою деятельность в Государственной думе как постоянную борьбу с врагами народа: «Пять лет я боролся с этой кафедрой против старой власти и обличал ее. Я знаю врагов народных и знаю, как с ними справиться», – заявил он в своей, уже упоминавшейся, важной политической речи 26 марта, выступая в солдатской секции Петроградского Совета¹³⁰.

Молодой юрист быстро стал главным оратором фракции трудовиков, а потом и ее неформальным руководителем. Стремительный взлет Керенского, по-видимому, мог вызвать опасения некоторых ветеранов Трудовой группы. Арманд отмечала, что не всем ее членам нравилось подобное положение, не раз обсуждались ими планы борьбы с «эсеровским засильем», но авторитет Керенского якобы делал это невозможным: «...сила его покоряла естественно, без напряжения»¹³¹.

Выступления Керенского в Думе не походили на деловые речи парламентариев, концентрирующих свое внимание на обсуждении бюджета и кропотливой законотворческой работе. С думской трибуны, как и в суде, он страстно обличал режим и его «слуг». Керенский и адресовал свои речи не депутатам и министрам, а всей стране. Выступления молодого депутата были яркими, эмоциональными, порой вызывающими. Стиль поведения Керенского в Думе не всегда соответствовал идеалу парламентской корректности. Чиновник, наблюдавший за ходом заседаний, сообщал: «...председатель Думы не реагировал на свист, раздавшийся в заседании... по адресу представителя правительства, хотя все видели, что свистел член думы Керенский»¹³². Неудивительно, что молодой депутат воспринимался как левый *enfant terrible* Думы¹³³.

Правые депутаты резко реагировали на пылкие выступления Керенского, нередко возникали скандалы. Председательствующие прерывали оратора, лишали слова, а иногда и исключали на несколько заседаний; репутация нарушителя спокойствия порой придавала непредвиденное значение самым невинным словам Керенского. Шутили, что любые слова депутата, даже его официальное обращение к коллегам: «Господа члены Государственной думы», вызывали немедленную реакцию председательствующего: «Член Думы Керенский, делаю вам первое предостережение». Арманд же с гордостью писала о вызывающем поведении депутата и о той реакции, которую оно порождало¹³⁴. В радикальных кругах такой стиль повышал авторитет Керенского. Неудивительно, что его речи были фактором, провоцирующим конфликты, которые становились важными информационными поводами. Думские журналисты, охотившиеся за сенсациями, часто их освещали; Керенский превращался в наиболее цитируемого левого депутата. Его влияние росло, подчас он председательствовал на заседаниях фракции трудовиков, а с 1915 года стал и официальным ее лидером¹³⁵.

А. А. Макарова, произнесенные им в Государственной думе по поводу Ленского расстрела. Слова эти вызвали сильное общественное негодование.

¹³⁰ Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. С. 9.

¹³¹ Арманд Л. Керенский. С. 4–5.

¹³² Донесения Л. К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 12–13; № 3. С. 4.

¹³³ Хип-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917 // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1997. Вып. 21. С. 576.

¹³⁴ Арманд Л. Керенский. С. 4.

¹³⁵ Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 38, 39.

Порой Керенский воспринимался как наиболее яркий и известный представитель левых в Думе. Руководитель фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе не был талантливым оратором, способным увлечь коллег и приковать к себе внимание журналистов. К тому же приверженность марксистской ортодоксии мешала Чхеидзе вступать в тактические переговоры с «буржуазными» группировками, и энергичный Керенский вел их от имени двух левых фракций. Это также способствовало укреплению его авторитета.

Не всем нравился «театральный» стиль выступлений депутата Думы, не соответствовавший традиционным представлениям о парламентских речах солидных законодателей. Сенатор Н. Н. Таганцев впоследствии вспоминал «демагогические» выступления Керенского, причем не отказывал депутату в ораторском даре, но считал его талантом «чисто митингового характера»¹³⁶. Однако в 1917 году как раз такой стиль выступлений и был востребован, именно такие речи с энтузиазмом воспринимались на огромных митингах. Леонидов восхвалял характерную ораторскую манеру Керенского: «В думских речах теперешнего министра вы не найдете филигранной отделки, в них нет специфических ораторских построений, все это сказано экспромтом; это не речи в том узком смысле, в каком они обычно понимаются; это вопли мятущегося, истекающего кровью сердца – большого и пламенного сердца истинного народного трибуна»¹³⁷.

Популярный в радикальных кругах депутат приглашался на различные совещания, собрания и конференции; это отражало рост его известности и влияния. В 1913 году он был избран председателем IV Всероссийского съезда работников торговли и промышленности¹³⁸. Председательство радикального адвоката в собрании подобного рода вызвало насмешливые комментарии со стороны правых. В Думе Н. Е. Марков (Марков-второй) в свойственной ему манере заявил: «Депутат Керенский, насколько мне известно, да и вам тоже, адвокат, – во всяком случае, не приказчик; может быть, приказчик еврейского кагала, но это в переносном смысле... Разве можно во всем обществе малообразованных людей допустить пропаганду господ Керенских?»¹³⁹ Но в радикальных кругах подобные выступления ненавистных черносотенцев лишь умножали славу молодого лидера фракции трудовиков. Многие же жители страны воспринимали Керенского как своего защитника: он получал немало писем от «маленьких людей», которые направляли ему жалобы, разоблачали злоупотребления и несправедливости, надеясь на его заступничество¹⁴⁰.

Керенский продолжал участвовать в нелегальных и полулегальных предприятиях. За депутатом пристально следила полиция, его досье в Департаменте полиции пухло, информаторов внедряли в ближайшее его окружение. В 1913 году Керенский участвовал в работе «Петербургского коллектива» эсеров. Парижская агентура Охранного отделения даже сообщала, что он якобы принадлежал к руководству партии – входил в состав Центрального комитета. Эта информация не соответствовала действительности, однако она позволяет составить представление об отношении к Керенскому со стороны руководства Министерства внутренних дел. В действительности депутат отклонил предложение эсеров быть их представителем в Думе, его целью было политическое объединение всех народнических групп. Однако эти полицейские материалы были опубликованы в 1917 году сторонниками Керенского; читатели же данной

¹³⁶ Таганцев Н. Н., сенатор. Из моих воспоминаний (Детство. Юность) // 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция (От новых источников к новому осмыслению). М., 1997. С. 246.

¹³⁷ Леонидов О. Вождь свободы А. Ф. Керенский. С. 5.

¹³⁸ Керенский был делегатом от Вольского общества приказчиков (он сам предложил свою кандидатуру и письменно подтвердил готовность уплатить членский взнос, необходимый для вступления в общество). См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 53. Оп. 1 (1913). Д. 3. Л. 202–202 об.

¹³⁹ Правые партии: Документы и материалы / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2: 1911–1917 гг. С. 349–350.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 244.

публикации могли получить преувеличенное представление о масштабах деятельности политика до революции, что в тех условиях способствовало укреплению его авторитета¹⁴¹.

Накануне мировой войны, 23 июля 1914 года, Керенский был задержан в Екатеринбурге во время неразрешенного властями собрания местных учителей. От ареста его спасла депутатская неприкосновенность¹⁴². Нелегальная деятельность Керенского была связана с немалым риском, однако члена Думы защищал парламентский иммунитет.

Примерно в то же время (в 1911 или 1912 году) молодого политика пригласили вступить в «Великий Восток народов России», тайную организацию, созданную в 1910 году на основе масонских лож, существовавших ранее¹⁴³. Роль Керенского в этой организации была велика: вскоре он стал членом Верховного Совета лож, а в 1916 году был секретарем Верховного Совета (возможно, он исполнял эту должность и в начале 1917 года). Один из исследователей истории масонства даже пишет об «организации Керенского», отделяя тем самым «Великий Восток народов России» от русского масонства предыдущего периода¹⁴⁴.

В какой степени масоны способствовали выдвижению Керенского? Адвокат А. Я. Гальперн, сменивший Керенского на посту секретаря Верховного Совета и ставший в 1917 году управляющим делами Временного правительства, вспоминал: «Ведь мы же его выдвинули и вообще создали – сами и ответственны за него»¹⁴⁵. Однако если масоны содействовали карьере Керенского, то и популярный политик был необычайно важен для «братьев», которые стремились привлечь в свои ряды людей, уже обладающих влиянием. Во всяком случае, известным общественным деятелем он стал еще до вступления в ложу¹⁴⁶.

О масонстве Керенского его биографы в 1917 году не сообщали. Вообще, масонская тема в тот период почти не звучала, и это представляется странным: возбужденное общество было склонно к конспирологическим построениям разного рода; всевозможные «теории заговора» использовались в целях политической мобилизации и левыми, и правыми. При этом о симпатиях зарубежных масонских организаций к антимонархической революции в России было известно, а о связях масонов с Керенским можно было читать даже в периодических изданиях. Так, 24 мая газета российского военного ведомства, главой которого Керенский тогда был, опубликовала обращение итальянских членов шотландского масонского ордена «Смешанный Международный» к «обновленной России», и адресатом их послания был русский военный

¹⁴¹ Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 9; *Kerensky A. The Crucifixion of Liberty*. P. 163; *Abraham R. Alexander Kerensky*. P. 52, 64.

¹⁴² Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). С. 11; *Kerensky A. The Crucifixion of Liberty*. P. 173–174.

¹⁴³ В мемуарах и исследовательской литературе она часто без оговорок именуется масонской, так ее именовал и сам Керенский (см.: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом переломе: Мемуары. М., 1993. С. 61–65). Вместе с тем «Великий Восток народов России» не походил на большинство лож «свободных каменщиков»: в него, например, принимались женщины, там почти отсутствовали мистические ритуалы, не слишком много времени уделялось обсуждению философско-этических проблем. Организация была прежде всего надпартийным элитарным объединением, целью которого являлось изменение политической системы России, низвержение самодержавного строя. Вот почему известный исследователь этой организации В. И. Старцев часто использовал в ее отношении термин «политическое масонство» (несколько текстов ученого, посвященных данной теме, собраны в книге: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов). Термин «политическое масонство» нельзя назвать вполне удачным: «вольные каменщики» в разные времена и разными способами стремились влиять на власть, поэтому «неполитическое» масонство было скорее исключением. В то же время термин Старцева справедливо указывает на специфику «Великого Востока народов России» по сравнению с иными масонскими организациями.

¹⁴⁴ *Smith N. Political Freemasonry in Russia: A Discussion of Sources // The Russian Review*. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 158.

¹⁴⁵ Запись беседы с А. Я. Гальперном, 1928 г. // Николаевский Б. И. Русское масонство и революция. М., 1990. С. 74.

¹⁴⁶ Слова Гальперна можно интерпретировать и иным образом: масоны-де продвигали Керенского во власть в 1917 году, а потом способствовали укреплению его власти. Это тоже представляется сильным упрощением: выдвижению Керенского способствовали многие факторы, а среди его влиятельных сторонников и полезных союзников было немало тех, кто явно к масонам не принадлежал. Об эффективности действий масонов по продвижению и прославлению Керенского судить сложно. Некоторые пропагандистские акции, устроенные при участии Гальперна и других масонов, не производят серьезного впечатления. См.: *Колоницкий Б. И.* Издательство «Друзья свободы» (Из истории идейно-политической борьбы в 1917 году) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Л., 1989. Вып. 4. С. 79–84.

министр. Общество итальянских масонов шотландского обряда на своем экстренном собрании большинством голосов постановило «приветствовать русский народ с избавлением от изменников родины, стремившихся заставить Россию заключить позорный мир...». Авторы этого приветствия выражали надежду, что русская армия «приложит все усилия к доведению войны до победоносного конца», и предлагали «всем русским коллегам присоединиться к итальянским масонам для совместного распространения общих идеалов»¹⁴⁷.

Остается только гадать, почему обращение итальянских масонов к «русскому коллеге» не было использовано многообразными противниками Керенского (к числу которых принадлежали и некоторые «братья», ставшие после Февраля политическими оппонентами министра, и давно враждебные ему правые деятели, азартно обличавшие до революции «жидомасонские заговоры»). Во всяком случае, в публичных репрезентациях революционного министра в 1917 году – и позитивных, и негативных – его принадлежность к масонской организации не играла видимой роли.

Для репутации Керенского, сложившейся ко времени революции, немалое значение имели и те судебные процессы, в которых он не выступал в качестве адвоката. В 1911–1913 годах Россия была взбудоражена делом киевского еврея М. Бейлиса, обвиненного в совершении ритуального убийства. Руководители Министерства внутренних дел и Министерства юстиции оказывали давление на следствие, а в черносотенной прессе и в Государственной думе правые вели антисемитскую агитацию. Кодекс поведения радикального интеллигента требовал в подобной ситуации немедленных и решительных действий. Левые, либералы и даже часть консерваторов начали кампанию в защиту Бейлиса, а Керенский выступил 23 октября 1913 года в Думе с речью по поводу процесса. В тот же день состоялось собрание присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Оно было посвящено выборам представителей корпорации – рутинной процедуре, обычно не привлекавшей особого внимания. Однако адвокаты-радикалы решили превратить это заседание в политическую демонстрацию и мобилизовали своих сторонников, которые в большом числе явились на собрание. Когда председательствующий начал обсуждение заявленной повестки дня, Керенский и Н. Д. Соколов настояли на обсуждении дела Бейлиса. Большинство собравшихся проголосовало за резолюцию, осуждавшую действия властей, – в ней содержался протест против «нарушений основ правосудия»¹⁴⁸

¹⁴⁷ Русский инвалид. 1917. 24 мая. Информация об этом послании содержалась в заметках, опубликованных и в других изданиях. См.: Зовут присоединиться // Маленькая газета. 1917. 21 мая.

¹⁴⁸ 31 октября 1913 года Керенский направил цветы А. С. Зарудному, одному из защитников Бейлиса. Прилагаемая записка гласила: «Протягиваю вам руку за все сделанное и пережитое нами в деле Бейлиса». См.: РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 441. Л. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.